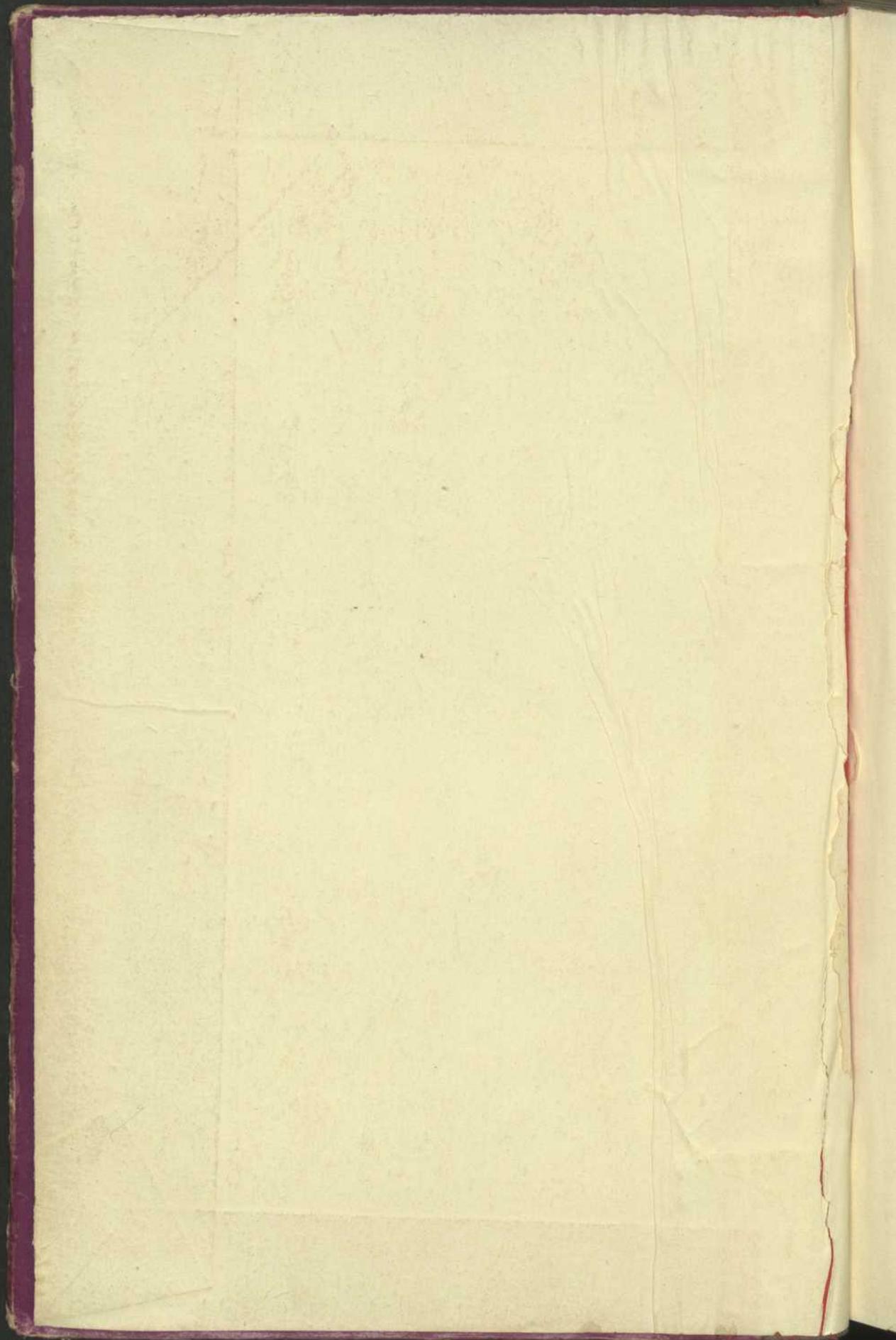
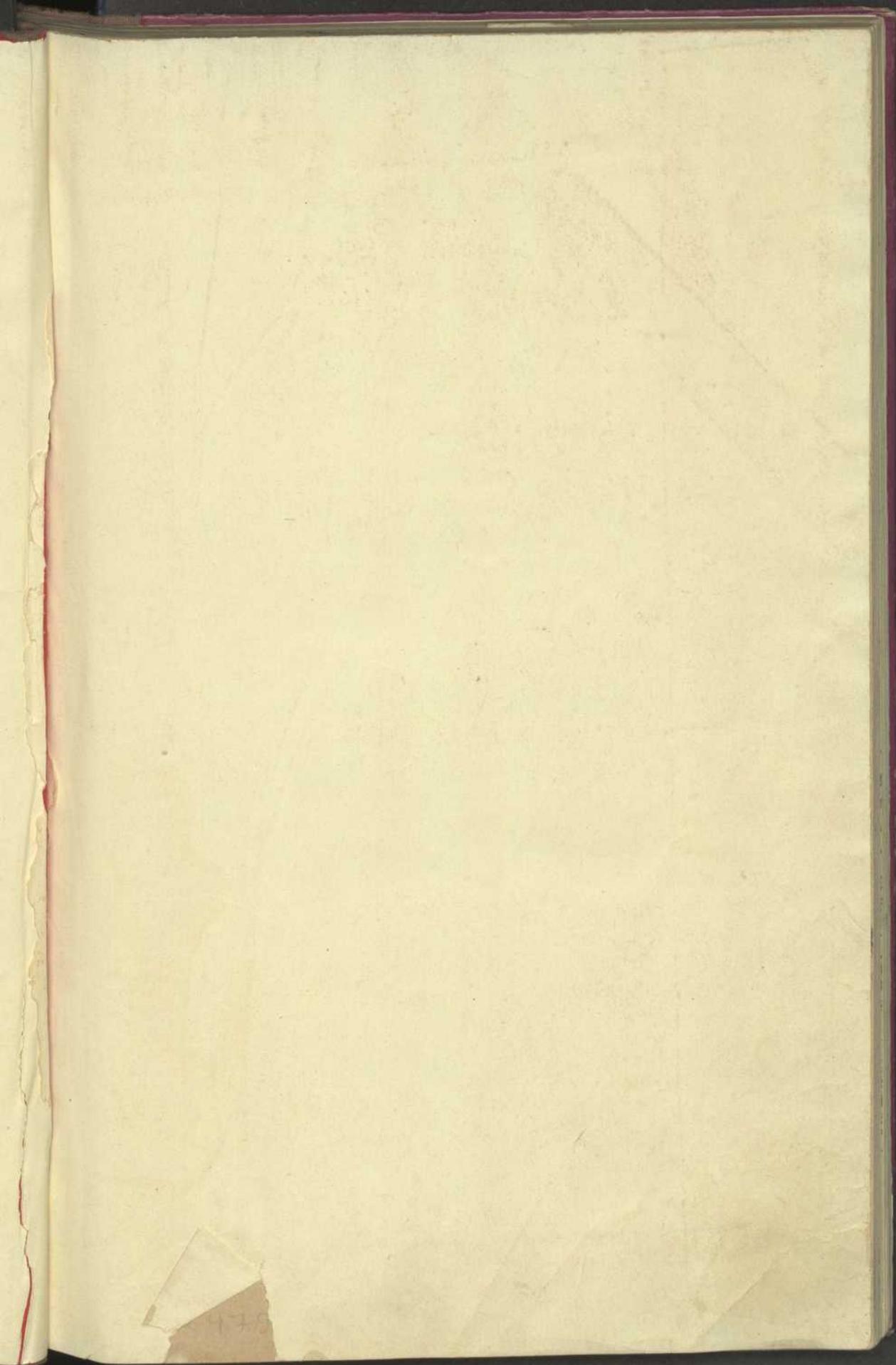
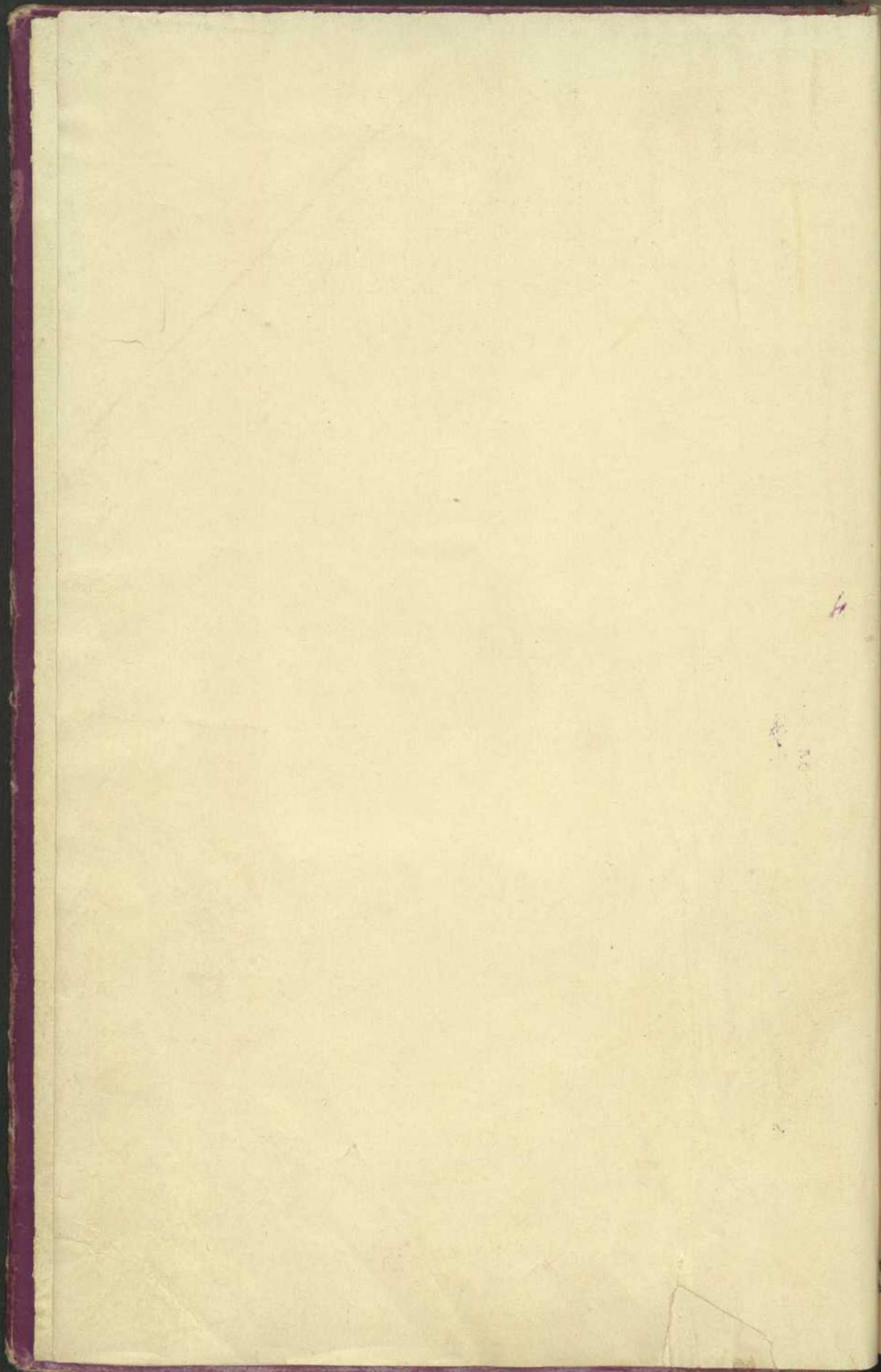

Ба 907

Бершадский С. А.

b
J
E
L
E

б2 907

~~57819~~
С. А. БЕРШАДСКИЙ.

Тати

О НАСЛѢДОВАНИИ

54347

ВЪ

ВЫМОРОЧНЫХЪ ИМУЩЕСТВАХЪ

Бел. адзел
1994 г.

ПО ЛИТОВСКОМУ ПРАВУ.

С. А. Бершадский

Литовская Республика
Адреса бершадский
Литовская Республика

Литовская Республика
Вильнюс

С. А. Бершадский

П

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1892.

Музей
Областной
Музей

778

(544792)

5413

1951

042009

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго С.-Петербурскаго Университета печатать разрѣшается. Спб. 26 марта 1892 года.

Деканъ В. Сергеевичъ.

8572

22.

А. М. М.

I.

Со времени изданія третьяго Литовскаго Статута въ 1588 г. прошло уже три столѣтїя; послѣ отмѣны его юридическаго значенія въ 1840 г.—болѣе 50 лѣтъ. Ничего мудренаго, что при этихъ условїяхъ истинное представленіе не только о его содержаніи, но даже о его языкѣ почти совершенно исчезло. Для всякаго русскаго, нѣсколько знакомаго съ Литовскимъ Статутомъ, текстъ его невольно представляется въ видѣ двухъ кварталовъ съ титуломъ: «*Статутъ Великаго Княжества Литовскаго*, съ подведеніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ ссылки на конституціи, приличныя содержанію онаго. Переводъ съ Польскаго. Въ С.-Петербургѣ. Печатанъ при Правительствующемъ Сенатѣ 1811 г.».—Все здѣсь, на первый взглядъ, опредѣленно: Переводъ съ польскаго, значитъ подлинникомъ долженъ считаться текстъ статута на польскомъ языкѣ; печатанъ при Правительствующемъ Сенатѣ, значитъ Правительствующій Сенатъ принималъ участіе въ изданіи этого Статута, вѣдь Правительствующему Сенату принадлежитъ обнародованіе законовъ!

Однако въ Полномъ Собраніи Законовъ мы тщетно искали бы Высочайшаго указа Сенату объ

обнародованіи Литовскаго Статута, а одинъ взглядъ на польскій титулъ объясняетъ съ несомнѣнною ясностію, что слова «печатанъ при Правительствующемъ Сенатѣ» не имѣютъ никакого отношенія къ дѣятельности Правительствующаго Сената по обнародованіи законовъ: въ польскомъ заглавномъ титулѣ сказано «W drukarni Rządzącego Senatu», т.-е. (печатанъ) «Въ типографіи Правительствующаго Сената». И только!

Для выясненія вопроса о томъ, какое же изъ существующихъ печатныхъ изданій Литовскаго Статута должно быть признано за оффиціальное, а слѣдовательно за имѣющее юридически обязательную силу, бросимъ взглядъ на происхожденіе Литовскаго Статута 1588 г. и на условія, при которыхъ появились въ печати различныя его изданія.

Со временъ Витовта установился въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ обычай, въ силу котораго, при вступленіи своемъ на престолъ, В. Князь давалъ населенію В. Княжества Литовскаго жалованную грамоту, въ которой, подтверждая существующія уже права и льготы, обѣщалъ править согласно этимъ правамъ и ни въ чемъ не нарушая дарованныхъ льготъ, таковы, напр., грамоты: Ягеллы и Витовта отъ 1413 г., Казимира Ягеллона 1457 г., Александра Ягеллона 1492, Сигизмунда I 1506 г. — Рядомъ съ этими привилегіями для всего государства Литовскаго, В. Князя жаловали грамоты и отдѣльнымъ землямъ В. Княжества, таковы, напр., дошедшія къ намъ привилегіи земель: Полоцкой отъ 1456 г., Жомоитской отъ 1492, Волынской земли отъ 1501 г., Подляшья отъ 1501 г., Витеб-

ской земли отъ 1505, Кіевской отъ 1507 и Смоленской отъ 1507 г.

Жалуя эти привилегіи отдѣльнымъ землямъ, В. Князья не упускаютъ однако изъ виду интересовъ цѣлаго государства. Идеаломъ для нихъ представляется право, одинаковое для всѣхъ частей В. Княжества. Поэтому выдача мѣстныхъ привилегій разсматривается ими лишь, какъ временная мѣра, уступка, подлежащая отмѣнѣ, при изданіи общихъ законовъ для всего Литовскаго государства, такъ, напр., въ грамотѣ Волинской землѣ отъ 1501 г. Александръ Ягеллонъ говоритъ: «А то имъ маемъ всѣмъ держати тые члонки до тыхъ часовъ, *поки права статуты всей земли, отчизнь нашей, Великому Князству Литовскому вставимъ*».

Что такія обѣщанія соотвѣтствовали въ началѣ XVI в. желанію значительнаго большинства населенія В. Княжества, это видно изъ грамоты Сигизмунда I отъ 1522 г., въ которой онъ говоритъ: «Доселѣ въ нашемъ В. Княжествѣ Литовскомъ суды вершились не на основаніи писаннаго права, но правосудіе отправлялось согласно обычаю, а также познаніямъ (*prudenciam*) и совѣсти каждаго судьи, т.-е. сообразно тому, какъ казалось судѣ справедливѣе или правильнѣе, или же неправильнѣе (*corruptius*). Въ виду этого и *по просьбѣ всей шляхты (nobilitatis)*, изъ состраданія къ нимъ и побуждаемая ихъ частыми просьбами... За ихъ постоянную вѣрность къ намъ и малолѣтнему свѣтлѣйшему сыну нашему Сигизмунду Августу, котораго они единогласно избрали, какъ то и подобало, въ наслѣдника нашего и Великаго Князя Литовскаго... повелѣли

мы издать *единое писанное право* и единый законъ, начертанный согласно извѣстнымъ постановленіямъ и грамотамъ (*constitutionibus et statutis*), существующимъ уже въ письменномъ изложеніи».

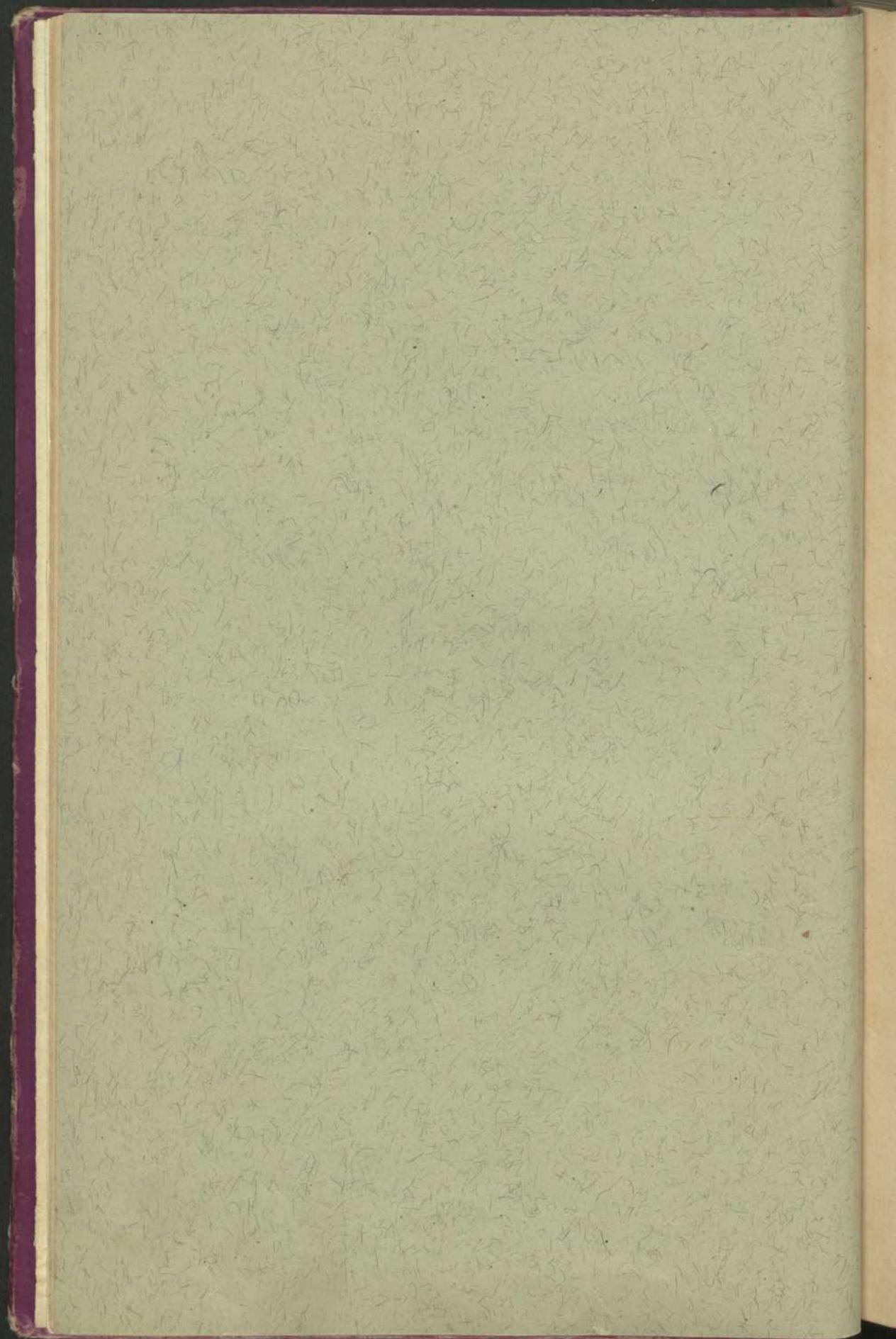
Такимъ образомъ, въ удовлетвореніе желанія шляхты, былъ изданъ на Виленскомъ сеймѣ, 17 Ноября 1529 г., *первый Литовскій Статутъ*, называемый, въ отличіе отъ позднѣйшихъ, *Старымъ*.

Хотя въ привилегіи 1522 г. Сигизмундъ I и далъ обѣщаніе напечатать Статутъ ¹⁾, но обѣщаніе это не осуществилось: Первый Статутъ дѣйствовалъ въ продолженіи 37 лѣтъ, т.-е. до 1566 года, существуя только въ писанной формѣ.

Значительное количество экземпляровъ этого Статута, сохранившихся до начала XIX в., дало возможность первоначально *С. Линде*, ректору Варшавскаго Лицея, а вслѣдъ за нимъ *И. Даниловичу*, проф. Виленскаго университета, сдѣлать библиографическое описаніе различныхъ рукописей этого Статута. У Линде это описаніе составляетъ лишь приложение къ его изслѣдованію о Статутѣ Литовскомъ, описаніе же Даниловича представляетъ обширную статью, помѣщенную первоначально въ журналъ «*Dziennik Wileński*» за 1823 г., т. I и II, а затѣмъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ сокращеніи, но съ прибавленіемъ изслѣдованія объ источникахъ Статута, въ журналъ «*Dogmataer Jahrbücher*» 1834 г., т. II.

Въ 1841 г. эти списки Старога Литовскаго Статута, приготовленные къ печати проф. Данилови-

¹⁾ Какъ это видно изъ словъ грамоты: «ut que ad notitiam singulorum haec ipse Statuta nostra deveniant, iussimus ea in numerosis voluminibus excudi literis» (*Działyński. Zbior praw Litewskich, 123 стр.*).

чемъ, появились на русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ въ Познани, подъ заглавіемъ: «*Zbiór praw Litewskich*».

Въ 1854 г. Московское «Общество исторіи и древностей» напечатало Статутъ 1529 г. въ XI кн. «Временника» съ рукописи XVII в., хранившейся въ бывшей Виленской Академіи.

Подъ вліяніемъ естественнаго развитія жизненныхъ отношеній, съ одной стороны, и перемѣнъ, съ другой стороны, во внутреннемъ управленіи В. Княжества Литовскаго, перемѣнъ, происшедшихъ въ княженіе Сигизмунда Августа, возникла потребность въ новомъ изданіи Статута. Въ 1564 г. на сеймѣ въ Бѣльскѣ Король Сигизмундъ Августъ утвердилъ, разсмотрѣнную и принятую чинами, новую редакцію Статута. Но въ обязательную силу вступилъ этотъ Статутъ только послѣ новаго пересмотра его на Виленскомъ сеймѣ, т.-е. въ 1566 г.

Этотъ Статутъ называется обыкновенно *Волинскимъ*, такъ какъ онъ оставленъ былъ для Волыни, т.-е. воеводствъ Волинскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго, въ качествѣ свода мѣстныхъ законовъ, послѣ присоединенія этихъ воеводствъ къ Польшѣ въ 1569 г. Подобно *Старому Статуту* и *Волинскій Статутъ* никогда не былъ напечатанъ по своему обнародованіи, а существовалъ только въ рукописяхъ и, подобно Первому, на языкахъ: русскомъ, латинскомъ и польскомъ. Значительное количество рукописей второго Статута точно также описано библиографически отчасти С. Линде въ его сочиненіи «*O Statucie Litewskim*», 1816 г., Варшава; всего же обстоятельнѣе проф. Даниловичемъ въ упомянутыхъ выше статьяхъ.

Равнымъ образомъ «Московскому Обществу исторіи и древностей» принадлежитъ честь обнародованія впервые въ печати текста Статута 1566 г. въ 23-й книгѣ «Временника» за 1855 г. съ копіи XVII вѣка.

Одинъ изъ латинскихъ экземпляровъ Статута 1566 г., описанный Линде и Даниловичемъ, хранится въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Тамъ же имѣется нѣсколько другихъ экземпляровъ русскихъ и польскихъ.

Люблинская унія 1569 г. естественно вызвала необходимость въ новомъ изданіи Литовскаго Статута. Уже Люблинская конституція 1569 г. назначила для выработки новой редакціи Статута комиссію изъ 14 лицъ, а въ руководство имъ было преподано: При исправленіи Статута принять во вниманіе Польскій Статутъ (какой, неизвѣстно) и какъ можно ближе къ нему согласить литовскія права, для того, какъ говоритъ Король, «чтобы во всѣхъ владѣніяхъ Нашихъ, какъ въ единомъ государствѣ, имѣла мѣсто одинаковая и скорая справедливость» ¹⁾. Руководясь этимъ указаніемъ, редакторы Третьяго Статута исправили опредѣленія, касающіяся процесса, пересмотрѣли постановленія о правѣ наслѣдованія и пополнили нѣкоторыя распоряженія выдержками изъ законовъ Моисеевыхъ, каноновъ и права римскаго, пользуясь для этой послѣдней цѣли толкованіями къ «Саксонскому зеркалу» ²⁾.

¹⁾ Vol. legum, t. II, p. 793, годъ 1569.

²⁾ Отсутствіе знакомства редакторовъ Третьяго Статута съ подлинными текстами удовлетворительно доказано пр. Даниловичемъ въ его статьѣ, помѣщенной въ «Dorpater Jahrbücher».

На коронаціонномъ сеймѣ 1588 г., Января 28, Король Сигизмундъ III утвердилъ этотъ исправленный Статутъ, опредѣливъ въ то же время, что онъ вступаетъ въ силу только черезъ годъ, т.-е. съ 6 Января 1589 г., съ первой сессіи земскихъ судовъ ¹⁾).

1588 г., Февраля 11, въ Краковѣ, Король Сигизмундъ III поручаетъ Льву Сапѣгѣ, Подканцлеру В. К. Л., напечатать «законы или статуты В. К. Л. по-польски и по-русски, съ воспрещеніемъ кому бы то ни было иному печатать эти статуты В. К. Л., подъ опасеніемъ штрафа въ 5,000 венгерскихъ червонцевъ и конфискаціи всѣхъ книгъ» ²⁾).

Это королевское порученіе было исполнено Сапѣгою въ томъ же 1588 г. Новый Статутъ появился впервые на русскомъ языкѣ, напечатанный въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей.

Существуютъ три русскихъ изданія Третьяго Статута, помѣченные всѣ одною и тою-же датою, но отличающіяся другъ отъ друга бумагою, болѣе или менѣе четкимъ шрифтомъ, а также количествомъ корректурныхъ ошибокъ, которые, въ позднѣйшихъ изданіяхъ часто искажаютъ смыслъ распоряженій Статута, такъ напр., на стр. 12, въ строкѣ 18, въ первомъ изданіи находится «по оселого», а во вто-

¹⁾ Въ грамотѣ Сигизмунда III отъ 28 января 1588 г., предшествующей печатному тексту Третьяго Статута, говорится такъ: «Вси sprawy судовые, порядкомъ во томъ статуте новоправленнымъ описаннымъ отпраовати початимають въ року пришломъ тисеча пятьсотъ осемъ десять девятомъ о трехъ кролахъ святе-рымскимъ на рокохъ судовыхъ земскихъ»...

²⁾ Привилегія Короля Сигизмунда III о напечатаніи Статута, помѣченная на 1 листѣ изданія Мамоничей.

ромъ «оселого», стр. 15, строка 27, перваго изд. «за заказомъ», во второмъ имѣеть «заказомъ», стр. 20, строка 7, перваго изд. имѣеть «а не поважаючи», во второмъ «не поживаючи» и т. д.

Въ 1614 г., въ Вильнѣ же, появился *переводъ* этого Статута на польскій языкъ также въ типографіи Мамоничей. Что это изданіе есть ни что иное, какъ переводъ съ русскаго оригинала, видно изъ обращенія къ «любезному читателю», помѣщеннаго на оборотѣ послѣдней страницы польскаго текста Статута. Переводчикъ, извиняясь за несовершенство работы, говоритъ, что это произошло отъ того обстоятельства, что, желая перевести (текстъ) съ русскаго на польскій слово въ слово, онъ не стремился за новыми и изящнымъ польскимъ языкомъ, но заботился о вѣрномъ изложеніи и надлежащемъ переводѣ. *«Кому же этотъ переводъ не нравится, тому вольно обратиться къ старому русскому тексту»* ¹⁾.

Изданіе 1614 г. ничѣмъ, кромѣ языка, не отличается отъ русскаго изданія 1588 г., нѣтъ въ немъ ни раздѣленія артикуловъ на параграфы, нѣтъ приложенія къ тексту Статута выдержекъ изъ конституцій.

Въ 1619 г. въ Вильнѣ, также въ типографіи Мамоничей, вышло второе польское изданіе Литовскаго Статута 1588 г., подъ редакціей Гавловицкаго. Въ этомъ изданіи артикулы Статута впервые раздѣлены на параграфы, а въ концѣ cadaго артикула приведены выдержки изъ Поль-

¹⁾ «A komu się to przełożenie nie podoba wolny rekursz do Ruszczyzny starey zostaje».

скихъ Конституцій, начиная съ 1550 г. Пособіями Гавловицкому при этой работѣ служили: частный сборникъ польскихъ законовъ Гербурта, артикулы военныя 1609 г. и конституціи, изданныя въ Краковѣ, въ 1616 г., Піотровчикомъ ¹⁾.

Недостатки статута, неясность его постановленій, противорѣчія, несоотвѣтствіе денежной расцѣнки съ измѣнившимися экономическими отношеніями и т. п., вызывали со стороны литовцевъ долгое время желаніе новаго пересмотра Статута; въ 1632 г. (V., t. III, f. 536, № 56), въ 1633 г. (Ib., t. III, f. 799, *Korrektura praw W. X. L.*), въ 1635 г. (Ibid, t. III f. 877, *Kog. praw*) подымается былъ вопросъ и были издаваемы сеймовыя постановленія объ исправленіи Статута; но всѣ эти постановленія привели только къ слѣдующему результату: *Вмѣсто* разсмотрѣнія и утвержденія какого-либо *новой* редакціи Статута, конституція 1647 г. постановила выпустить *новое изданіе Статута* (V. I. t. IV, f. 108, § 18). «Для потребностей и удобства обывателей В. К. Л.» говорится въ этой конституціи, «дозволяемъ напечатать Статутъ В. Княжества Литовскаго, какъ право, нужное для тамошнихъ обывателей». На основаніи этого опредѣленія конституціи было напечатано въ 1648 г., въ Варшавѣ, *третье* польское изданіе, пол-

¹⁾ Въ концѣ этого второго польскаго изданія читаемъ. «Издавая въ свѣтъ вторично тотъ же Статутъ В. Княжества Литовскаго, книгу общаго для всѣхъ права (*pospolitego prawa*), почтенный читатель, въ виду недостатка экзепляровъ, для нуждъ каждаго (заинтересованнаго) и государства, было намъ неумѣстно отступать въ чемъ-либо отъ добросовѣстнаго (*szczerzego*) перевода съ русскаго, или, вѣрнѣе, славянскаго, языка на языкъ польскій».

ное опечатокъ и составляющее ни что иное, какъ плохую копію изданія 1619 г.

Въ 1691 г. іезуиты, получивъ отъ Короля Яна III привилегію, напечатали *четвертое* изданіе въ Вильнѣ, согласно съ текстомъ предыдущаго.

Въ 1744 г. въ Вильнѣ-же, у іезуитовъ, явилось *пятое* изданіе статута, печатанное на основаніи привилегіи Короля Августа III.

Шестое изданіе статута, безъ всякаго особаго разрѣшенія, появилось въ правленіе Короля Станислава Августа въ 1786 г.

Изъ всѣхъ изданій это — наименѣе удовлетвори-тельно.

Седьмое польское изданіе напечатано въ С.-Петербур-бургѣ, въ 1811 г. по частному почину, въ сенат-ской типографіи, съ переводомъ на русскій языкъ. «Переводъ этотъ», говоритъ пр. Даниловичъ,¹⁾ «какъ сдѣланный съ самаго неправильнаго польскаго изда-нія 1786 г., полонъ грубыхъ и извращающихъ смыслъ ошибокъ»²⁾.

Наконецъ, *восьмое* изданіе Статута напечатано въ Вильнѣ, въ 1819 г., товариществомъ типографовъ, въ типографіи Марциновскаго. Единственною за-слугою этого изданія Даниловичъ считаетъ то, что оно понизило цѣны на экземпляры 1786 г.

Послѣднее польское изданіе Статута подтверж-даетъ тотъ фактъ, что единственнымъ официаль-

¹⁾ Dz. Wil., т. II, 1823 г., стр. 291.

²⁾ Не говоря о чемъ либо иномъ, достаточно указать на тотъ фактъ, что переводчикъ терминъ «blizki», т.-е. родственникъ, переводятъ: то слово-мъ то «родственникъ», то «близкій сродникъ». И такая разнорѣчи-вая передача термина встрѣчается часто въ одномъ и томъ же артикулѣ: напр., Разд. III, ар. 17; Разд. V, ар. 2, ар. 9 и т. д.

нымъ текстомъ былъ русскій текстъ Мамонича, какъ это очевидно изъ перепечатаннаго въэтомъ восьмомъ изданіи, на листѣ второмъ, *предисловія къ изданію 1786 г.* «Для того», говорится здѣсь, «чтобы у пользующихся Статутомъ не возникало никакихъ сомнѣній, разъясняется, что въ виду уничтоженія прежнихъ экземпляровъ войною, огнемъ и долговременномъ пользованіемъ, печатается нынче *тотъ же самый, а не иной Статутъ В. К. Л.*, безъ какой бы то ни было отмѣны или уменьшенія раздѣловъ, артикуловъ, параграфовъ. А такъ какъ въ послѣднемъ Варшавскомъ изданіи (т.-е. изданіи 1648 г., воспроизводящемъ переводъ русскаго текста на польскій языкъ, сдѣланный въ 1614 г.) сеймовыя конституціи приведены къ соотвѣтствующимъ артикуламъ только съ 1550 по 1647 г., то поэтому для большаго удобства читателя, согласно Королевскому желанію, выраженному въ привилегіи (на напечатаніе), присоединены конституціи до 1690 года».

Изъ этого предисловія очевидно также, что и позднѣйшія работы по подведеніи подъ соотвѣтственныя мѣста текста сеймовыхъ конституціей были дѣломъ частнымъ. Обязательнаго значенія при пользованіи текстомъ Статута эти конституціи не имѣли потому, что припечатаны они быди не въ силу сеймоваго постановленія, а по желанію Короля. Но въ Польшѣ и Литвѣ законодательная власть съ 1569 г. принадлежала не Королю, а сейму—изъ представителей польской и литовской шляхты. Не только желанія, но и предписанія Короля, какъ главы исполнительной власти, имѣли силу адми-

нистративныхъ распоряженій, не болѣе; законы же издавались сеймомъ и только сеймомъ!

Критическое изслѣдованіе всѣхъ изданій Литовскаго Статута, сдѣланное Линде¹⁾, заканчивается слѣдующими словами: «Такъ какъ Русскій Статутъ есть оригиналъ, а польскій переводъ—частный трудъ, предоставляющій всякому желающему свободное обращеніе къ *русскому подлиннику*, такъ какъ переводчикъ самъ сознаетъ полное несовершенство своей работы, и такъ какъ, не смотря на похвалы, расточаемыя позднѣйшими писателями польскому языку этого перевода, много въ немъ мѣстъ противныхъ польскому языку, много мѣстъ непонятныхъ, даже бессмысленныхъ и совершенно противорѣчащихъ оригиналу; принимая, далѣе, во вниманіе, что *каждое польское изданіе*, чѣмъ оно болѣе позднее по времени, тѣмъ обладаетъ большимъ количествомъ ошибокъ, потому что къ ошибкамъ предшествующихъ изданій присоединяетъ свои собственныя; наконецъ, въ виду того, что въ самомъ русскомъ текстѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ (у Мамоничей), находятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ошибки и пропуски, необходимо новое критическое изданіе самого *русскаго оригинала* Литовскаго Статута 1588 г.»

Это желаніе почтеннаго ученаго и доселѣ еще не осуществилось, какъ не удалось открыть доселѣ того рукописнаго текста Третьяго Литовскаго Статута, который былъ утверждень на сеймѣ 1588 г. Поэтому и теперь, въ наше время, какъ и въ тѣ времена, когда Литовскій Статутъ

¹⁾ S. B. Linde, O Statucie Litewskim, Ruskim językiem i drukiem wydawnym, wiadomość. Warsz, 1816, in 4.

дѣйствовалъ въ качествѣ закона, для правильнаго уразумѣнія его опредѣленій необходимо обращаться къ первоначальному, хотя и несовершенному оригиналу, т.-е. русскому изданію 1588 г., такъ какъ пользованіе русскимъ изданіемъ доставляетъ единственно правильное, съ юридической точки зрѣнія, основаніе для установленія пониманія тѣхъ или иныхъ опредѣленій Статута, потому, что *единственнымъ, официально признаннымъ текстомъ, оригиналомъ всѣхъ позднѣйшихъ изданій Статута*, сама государственная власть Польско-Литовскаго Королевства считала русскій текстъ, напечатанный въ 1588 г. у Мамоничей. *Польскій переводъ* 1614 г. и всѣ послѣдующія, скопированныя съ этого текста, изданія были дѣломъ частнымъ, такъ какъ ни одна *изъ сеймовыхъ конституцій не дала* своего утвержденія ни этому переводу, ни этимъ позднѣйшимъ изданіямъ. Русскій же текстъ Статута былъ признанъ источникомъ всего дѣйствующаго въ Литвѣ права государственными чинами и утвержденъ Королемъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г.

Въ виду всего указаннаго, не только русскій переводъ 1811 г. съ крайне плохого польскаго изданія 1786 г., но и всякіе иные переводы, встрѣчающіеся въ официальныхъ изданіяхъ XIX в. и сдѣланные съ польскихъ текстовъ Статута, какъ, напр., переводъ въ запискѣ къ Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 1842 г., I-ое П. С. З., № 16, 591, не имѣютъ обязательной силы, какъ сдѣланные съ текстовъ, не согласныхъ съ оригиналомъ закона.

«Московскому обществу исторіи и древностей»

принадлежать заслуга обнародованія и Статута 1588 г. по первому, самому исправному его изданію. Сличивъ изданіе М. Общества съ наиболѣе исправнымъ экземпляромъ перваго изданія Мамоничей 1588 г., хранящимся въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, мы нашли его сдѣланнымъ не только буква въ букву, но строка въ строку, а потому и будемъ на него ссылаться, какъ на изданіе точное и общедоступное, въ нашемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

II.

Установивъ, какого рода текстъ Литовскаго Статута долженъ быть признаваемъ за единственный источникъ правильнаго пониманія опредѣленій Литовскаго права, обратимся къ разрѣшенію вопроса о томъ, въ какомъ объемѣ дѣйствовали этотъ источникъ. Разрѣшеніе этого вопроса необходимо въ виду существующаго мнѣнія, будто бы опредѣленія всѣхъ сеймовыхъ конституцій послѣ 1569 г. распространялись и на Литву, имѣя въ ней по всѣмъ дѣламъ то же самое значеніе, какое эти конституціи имѣли въ Польшѣ. Неосновательность подобнаго мнѣнія очевидна уже изъ того, что въ 1569 г. въ Польшѣ не существовало какого-либо свода дѣйствующихъ законовъ, такъ какъ Статутъ, выработанный канцлеромъ Ласкимъ въ царствованіе Короля Александра Ягеллона, не получилъ сеймоваго утвержденія, а потому и не могъ считаться источникомъ права; въ Литвѣ же въ 1569 г. существовало уже второе изданіе Статута, утвержденное на Вилен-

скомъ сеймѣ 1566 г. Поэтому въ моментъ соединенія обоихъ государствъ, «какъ равнаго съ равнымъ и свободнаго съ свободнымъ», великое княжество Литовское обладало сводомъ своихъ мѣстныхъ законовъ, которые, на основаніи акта Люблинской уніи, были признаны Королемъ Сигизмундомъ Августомъ неприкосновенными, какъ дарованныя имъ же самимъ великому княжеству ¹⁾. Если польская государственная власть признавала неприкосновенность мѣстныхъ законовъ даже тѣхъ литовскихъ земель, которыя были присоединены къ Польшѣ, «какъ неотдѣлимый, собственный и настоящій членъ къ первоначальному и собственному тѣлу и головѣ» ²⁾, какъ земли Подляшская, Волынская и Кіевская ³⁾, — то тѣмъ естественнѣе предполагать признаніе полной автономіи за мѣстными законами великаго княжества Литовскаго, которое соединилось съ Польшею, какъ говорится въ актѣ Люблинской уніи, по свободному соглашенію пановъ, радъ, пословъ и иныхъ чиновъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, которые «послѣ немалыхъ разсужденій учинили лишь исправленіе соединенія (двухъ народовъ) и отчасти нарушенной уніи» ⁴⁾. И дѣйствительно, обращаясь къ тексту Литовскаго Статута 1588 г., изданному послѣ Люблинской уніи, мы уже въ грамотѣ Сигизмунда III объ утвержденіи Статута встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія относительно характера Статута, какъ источника мѣстныхъ законовъ, и затѣмъ

¹⁾ Vol leg. t. II, f. 771, § 9.

²⁾ Ib. f. 746, 752, 753.

³⁾ Ib. f. 759.

⁴⁾ Ib. 766—770.

Литовское княжество
 Люблинская уния
 1566 г.

Литовское княжество
 Люблинская уния
 1566 г.

относительно пространства дѣйствія его нормъ, а именно: «Паны рады, и должностные лица великаго княжества Литовскаго», — говоритъ Сигизмундъ III, — «будучи на генеральномъ сеймѣ нашей счастливой коронаціи, представили намъ къ подтвержденію, отъ имени всѣхъ чиновъ, обывателей великаго княжества Литовскаго, Статутъ, т.-е. порядокъ судопроизводства (sic!)... ходатайствуя, чтобы мы подтвердили нашею привилегією этотъ новоисправленный Статутъ вмѣстѣ съ иными ихъ правами и вольностями, и приказали издать оный для пользованія всѣхъ чиновъ великаго княжества Литовскаго, указывая намъ на основаніи конституціи и сеймовыхъ постановленій, что мы обязаны это сдѣлать»¹⁾. «Въ настоящее время», — говоритъ далѣе король, — „посовѣтывавшись съ панами, радами нашими и со всѣми чинами обоихъ народовъ (т.-е. Польши и Литвы), присутствовавшихъ на генеральномъ сеймѣ нашей коронаціи, тотъ Статутъ, права великаго княжества Литовскаго, вновь исправленный, утверждаемъ этою нашею привилегією и издаемъ для всѣхъ чиновъ великаго княжества Литовскаго на всѣ грядущія времена: по силѣ котораго, какъ мы сами, Государь, такъ и всѣ иные чины, обыватели великаго княжества Литовскаго, должны поступать... Клянемся и обѣщаемъ, что съ этого времени во всѣхъ земляхъ и повѣтахъ, во всѣхъ присутственных мѣстахъ и судахъ великаго княжества Литовскаго, всѣ дѣла въ судахъ будутъ разрѣшаемы на основа-

¹⁾ Чины великаго княжества имѣли конечно въ виду извѣстный § 9 Люблинской уніи, который ставитъ въ обязанность вновь избираемому Королю подтвержденіе всѣхъ старинныхъ привилегій, дарованныхъ ранѣе землямъ великаго княжества.

нии этого Статута»¹⁾. Первый артикулъ перваго раздѣла опредѣляетъ совершенно точно и не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію образомъ, что не только всѣ обыватели всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго, но и всѣ чужеземцы, пребывающіе на территоріи Литовскаго государства, «будутъ судимы и управляемы на основаніи только тѣхъ нормъ, которыя изложены ниже въ настоящемъ Статутѣ»²⁾. Точно также заключительный, 37, артикулъ послѣдняго, XIV, раздѣла опредѣляетъ, что всѣ дѣла, со времени введенія въ дѣйствіе Статута, разрѣшаемы будутъ единственно на основаніи, заключающихся въ немъ, опредѣленій.

Опираясь на эти постановленія и слѣдуя общепризнанной теоріи о дѣйствіи законовъ во времени и пространствѣ, мы въ правѣ утверждать, что сеймовыя опредѣленія тогда только имѣли обязательную силу въ великомъ княжествѣ, когда о томъ прямо въ нихъ упоминалось, напр., конституція 1593 г., «О безпорядкахъ», дѣйствовала въ Литвѣ потому, что въ ней прямо говорится: «А постановленіе это имѣетъ силу какъ въ земляхъ коронныхъ, такъ и великаго княжества Литовскаго»³⁾. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, разъ въ сеймовой конституціи не упоминается о великомъ княжествѣ, ея постановленія не имѣютъ никакой силы на Литовской территоріи. Для избѣжанія недора-

¹⁾ Ср. Литовск. Статутъ, изд. 1588 г., стр. III и IV.

²⁾ Ъ., Разд. I, арт. 1. Мы, Господарь, обещуемъ и шлюбуемъ... ижъ всихъ княжатъ, пановъ, радъ, духовныхъ и светскихъ, пановъ хоругвовныхъ, шляхту, мѣста и всихъ подданныхъ нашихъ тыми одними правы и артикулы, въ томъ же статутѣ ниже писанными и отъ насъ данными, судити и справовати маемъ». Ср. также Разд. III, арт. 2, въ началѣ, ар. 32, въ концѣ и ар. 35; Разд. VII, арт. 13.

³⁾ Vol. leg. t. II, f. 1399, § 6.

мѣній, въ конституціяхъ XVI в. обыкновенно поясняется, что именно изъ принятыхъ опредѣленій относится къ Литвѣ; съ 1611 г. прибѣгаютъ къ гораздо болѣе опредѣленному способу выдѣленія конституцій, имѣвшихъ обязательную силу въ Литвѣ: Конституціи эти печатаются рядомъ съ коронными подъ особымъ титуломъ: напр. «Конституціи великаго княжества Литовскаго на сеймѣ коронномъ Варшавскомъ»¹⁾. Съ этого времени, вплоть до исчезновенія Рѣчи Посполитой, сеймовыя конституціи, коронныя и литовскія печатаются одна вслѣдъ за другою подъ самостоятельными титулами, показывающими, что однѣ дѣйствуютъ въ Польшѣ, другія въ Литвѣ, таковы конституціи 1613 г.²⁾, 1616³⁾, 1620⁴⁾, 1621⁵⁾, 1649⁶⁾, 1654⁷⁾, 1659⁸⁾, 1661⁹⁾, 1667¹⁰⁾, 1670¹¹⁾, 1673, 1676, 1677, 1678, 1683, 1685, 1690¹²⁾, 1699, 1703¹³⁾, 1710¹⁴⁾, 1712¹⁵⁾, 1717¹⁶⁾, 1726¹⁷⁾, 1736¹⁸⁾.

¹⁾ Vol. leg. t. III, f. 37 § 6 1611 г.

²⁾ Ib. f. 196.

³⁾ Ibid. Конституція В. К. Л. f. 306.

⁴⁾ Ib., f. § 36 «Безопасность Трибунала В. К. Литовскаго»: «Конституція De securitate iudiciorum короннаго трибунала и toto принимается великимъ княжествомъ Литовскимъ f. 378.

⁵⁾ Ib. 428.

⁶⁾ Vol. leg. t. IV f. 317.

⁷⁾ Vol. leg. t. IV, f. 468.

⁸⁾ Ibid. 665.

⁹⁾ Ibid. f. 787.

¹⁰⁾ Ibid. 977.

¹¹⁾ Vol. leg. t. V между листами 86 и 87; пропущена въ изданіи Піаровъ.

¹²⁾ Vol. leg. t. V, f. 137, 415, 508, 614, 686, 744, 805.

¹³⁾ Vol. leg., t. VI, t. 75, 116.

¹⁴⁾ Ibid. 207.

¹⁵⁾ Ib. f. 224.

¹⁶⁾ Ibid. f. 306.

¹⁷⁾ Ib. f. 459.

¹⁸⁾ Ib. 674.

1764 ¹⁾, 1766 ²⁾, 1768 ³⁾, 1775 ⁴⁾, 1776 ⁵⁾. — Наличие этих конституцій несомнѣнно доказываетъ, что, несмотря на существованіе общаго сейма, каждый изъ народовъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, считалъ себя особымъ народомъ и издавалъ для себя особые законы. Какъ велика была еще въ XVI в. рознь между соединенными народами, это можно видѣть какъ изъ нѣкоторыхъ сеймовыхъ опредѣленій, такъ точно изъ различныхъ артикуловъ Литовскаго Статута. Когда въ 1578 г. возникъ вопросъ о Лифляндіи, то сеймъ опредѣлилъ «съ согласія чиновъ обоихъ народовъ, послать комиссаровъ для полнаго и справедливаго раздѣла Лифляндіи, чтобы окончить это дѣло, согласно королевскому дозволенію и конфирмаціи, и добровольному соглашенію (обоихъ народовъ), опредѣливъ *какая часть Лифляндіи должна отойти къ Польши, и какая къ Литвѣ*» ⁶⁾. Не менѣе далекими отъ еди-

¹⁾ Vol. leg. t. VII, f. 111.

²⁾ Ib. f. 503.

³⁾ Ibid. 822.

⁴⁾ Vol. leg. t. VIII, f. 617.

⁵⁾ Ib. f. 922.

⁶⁾ Vol. leg. t. II, f. 124). Не дурною иллюстраціею этой розни служитъ грамота Императора Максимилиана II, данная литовскимъ чинамъ въ 1575 г., съ цѣлью подвинуть ихъ къ избранію на престоль Польши и Литвы эрцгерцога Эрнеста. Грамота, имѣвшая въ виду привлечь къ Эрнесту большинство избирателей, общается между прочимъ. (§ 2). *Provinciae a Magno Ducato Littwaniae avulsae videlicet Volinia Podolscia Kiovia et Bratislavia et quae in unionis formula adversus Littwaniae libertatem esse et inhonestam Ducatus illius subjectionem inducere videntur... restituentur et tollentur. (§ 5). M. D. Littwaniae dignitates officia omnia et singula... non nisi indigenis Littwaniae tradentur. Indigenam autem non quemvis possessionatum censi debere sed qui nobilis genere ex progeniae quarta in M. D. Littwaniae natus sit Religione in hoc non obstante Graeca. К. Т. Eichhorn. Stosunek x. domu Radziwiłłów do domów xiążęcych w Niemczech. Перев. Rzyzewski. Wrsz. 1843, стр. 77 слѣд.*

ненія представляются, напр., и слѣдующія постановленія Литовскаго Статута: «Мы, Государь, обязуемся и клятвенно обѣщаемъ, что въ государствѣ нашемъ, великомъ княжествѣ Литовскомъ, и во всѣхъ земляхъ, къ нему принадлежащихъ, не будемъ давать въ собственность или во владѣніе, или пользованіе должностей духовныхъ и свѣтскихъ, замковъ, дворовъ, земель, староствъ, державъ, должностей земскихъ и придворныхъ *не только чужеземцамъ и иностранцамъ, но и сосѣдямъ этого государства...* Но все это мы должны будемъ и обязаны жаловать только Литвѣ и Руси, Жомоити, стариннымъ обитателямъ и уроженцамъ великаго княжества Литовскаго и земель къ нему принадлежащихъ¹⁾. При такого рода условіяхъ, естественно, что въ Литвѣ имѣютъ приложеніе лишь тѣ изъ сеймовыхъ конституцій, которыя прямо касаются Литвы, постановленія же прочихъ конституцій на Литву не распространяются. Въ числѣ сеймовыхъ конституцій находится одна, весьма важная конституція для опредѣленія вопроса о выморочности имущества. Конституція эта издана въ 1588 г. на томъ же самомъ коронаціонномъ сеймѣ, на которомъ былъ утвержденъ Третій Литовскій Статутъ. Прежде чѣмъ обратиться къ вопросу примѣнимо или нѣтъ постановленіе этой конституціи о «кадукахъ» къ Литвѣ, мы считаемъ нужнымъ указать на то обстоятельство, что въ текстѣ конституціи находится рядъ опредѣленій, прямо противоположныхъ опредѣленіямъ Литовскаго Статута, таковы, напр., § 10, о выборѣ и присягѣ судьи земскаго и под-

¹⁾ Лит. Статутъ 1588 г., Разд. III, ар. 12.

судка, § 12, о приданомъ сестеръ, § 13, о выкупѣ заложенныхъ имѣній, §§ 14, 15, 16 о захватѣ и заключеніи въ тюрьму шляхтича, § 18, о дуэляхъ, § 19, о земляхъ шляхетскихъ и т. д. Однако мы знаемъ, что Статутъ со своими опредѣленіями объ этихъ предметахъ продолжалъ существовать, не взирая на конституцію 1588 г. Подобно тому, какъ сличеніе этихъ опредѣленій съ соотвѣствующими постановленіями Литовскаго Статута показываетъ ихъ полное несоотвѣтствіе между собою, такъ точно сличеніе распоряженій конституціи 1588 г. о выморочныхъ имуществахъ съ постановленіями литовскаго права, а именно съ разд. III, ар. 17, показываетъ, что ограниченіе права наслѣдованія восьмью степенью родства въ обѣихъ линіяхъ не имѣетъ мѣста въ Литовскомъ Статутѣ, въ немъ нѣтъ никакихъ ограниченій въ этомъ направленіи. Поэтому даже тогда, когда бы опредѣленіе конституціи 1588 г. касалось и Литвы (на что въ конституціи нѣтъ никакого указанія), все-таки опредѣленіе это не имѣло бы юридическаго значенія, такъ какъ Литовскій Статутъ долженъ былъ вступить въ силу, т.-е. сдѣлаться собраніемъ юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ на будущее время ¹⁾, только съ 6 января 1589 г.: поэтому, какъ новый законъ, Статутъ Литовскій долженъ былъ бы лишити юридическаго значенія всѣ тѣ опредѣленія конституціи,

¹⁾ Понятіе о необратной силѣ закона хорошо извѣстно Лит. Статуту, — стоитъ взглянуть лишь на распоряженіе VII разд., арт. 13, гдѣ говорится: «Ачъ колвекъ вже порядкомъ сего Статуту нового вси речи отправованы будутъ, нежли речи застаралые предъ се Вторымъ Статутомъ, за которого што ся стало, сужоны и сказованы быти мають». Ср. ниже разд. VII, арт. 5, 11, а главнымъ образомъ ср. разд. XIV, арт. 32 (последній).

которыя были бы несогласны съ опредѣленіями Статута по одному и тому же предмету. А такъ какъ артикуль 17, раздѣла III, содержитъ въ себѣ распоряженія о порядкѣ наслѣдованія въ выморочныхъ имуществахъ, то очевидно, что опредѣленіе конституціи 1588 г. по тому же самому предмету должно считаться отмѣненнымъ. Но этого мало! Если мы обратимся къ нѣкоторымъ выраженіямъ того § конституціи 1588 г., который говоритъ о наслѣдованіи въ выморочныхъ имѣніяхъ («O kadukach»), то мы убѣдимся, что законодатель никогда и не имѣлъ въ виду распространенія этой конституціи на Литву: Опредѣляя, что имущество шляхтичей, отцовское или материнское, до тѣхъ поръ не считается выморочнымъ, пока къ нему имѣются наслѣдники обо-его пола, въ обѣихъ линіяхъ до восьмой степени включительно, конституція постановляетъ, что, въ случаѣ полученія кѣмъ-либо имущества, къ которому имѣются наслѣдники (на основаніи представленныхъ королю ложныхъ свѣдѣній о неимѣніи наслѣдниковъ или о не-шляхетскомъ происхожденіи ихъ), «диффаматоръ или доноситель, который бы на этомъ основаніи желалъ предъявить притязаніе на выморочное имущество, да будетъ принужденъ къ возвращенію имущества и наказанъ, согласно закону, *судомъ Короннаго Трибунала*»¹⁾).

Какой же судъ разумѣетъ конституція подъ судомъ Короннаго Трибунала? Для разъясненія этого обстоятельства, сдѣлаемъ небольшую историческую

¹⁾ Vol. leg. t. II, f. 1209—10, § 8, O kadukach... «tedy diffamator albo delator ktoryby za tym chcial praetendere kaduk ma bydz ad revocationem przy-muszon, y karan per illud iudicium Tribunalis Regni, wedle prawa».

справку. Въ 1578 г., въ царствованіе Стефана Баторія, было издано сеймовое постановленіе объ избраніи судей *judiciorum generalium ordinariorum Tribunalis Regni* ¹⁾. Компетенція этихъ судовъ простиралась только на земли Великой и Малой Польши ²⁾, для великаго же княжества Литовскаго учрежденъ, согласно выработанному литовскими чинами проекту ³⁾, въ 1581 г. особый высшій судъ «Трибуналь великаго княжества Литовскаго» ⁴⁾, компетенція котораго распространялась на всю Литву. Утвержденный на сеймѣ, снабженный королевскою печатью и подписью, законъ объ организациі Главнаго Литовскаго Трибунала, порядкѣ судопроизводства въ немъ и т. п., писанъ (и затѣмъ напечатанъ) «согласно правамъ (литовцевъ) русскимъ языкомъ». Этотъ уставъ, напечатанный по-русски впервые въ 1586 г., у Мамоницей, обыкновенно присоединялся къ печатнымъ текстамъ Статута 1588 г., составляя съ нимъ какъ бы одно цѣлое.

Имѣя передъ собою эти данныя, не трудно видѣть, что опредѣленіе конституціи 1588 г. о выморочныхъ

¹⁾ Vol. leg., t. II, f. 963, § 2.

²⁾ Ibid. § 13. *Мѣста судамъ*. Въ Великой Польшѣ: Пиотрковъ, къ компетенціи котораго будутъ принадлежать: Познанское, Калишское, Сѣрадское (воеводства), земля Велюньская, Лигницкое, Бжеское, Иновлацлавское (воеводства), земля Добжинская, Мазовецкое, Плоцкое, Равское (воеводства). § 14. Въ Малой Польшѣ: Люблинъ, къ компетенціи котораго будутъ принадлежать слѣдующія воеводства: Краковское, Сандомирское, Русское (т. е. приблизительно теперешняя Запад. Галиція), Подольское, Люблинское, Бельское и Подляшское.

³⁾ Конституція 1578 г., Vol leg. t. II, f. 969, § 30, оставила великое княжество при «его правахъ», и дозволила чинамъ великаго княжества, разработавъ проектъ новаго судоустройства на сеймикахъ, дать ему окончательную редакцію на сѣздѣ въ Новогрудкѣ осенью 1578 г.

⁴⁾ Ibid., f. 1020 *Артикулы къ праву великаго княжества Литовскаго* § 41.

имуществахъ не имѣло никакого отношенія къ Литвѣ. Виновные въ сообщеніи королю ложныхъ свѣдѣній подвергались суду Короннаго Трибунала, компетенція котораго ограничивались Польшею, основаніемъ его рѣшеній служили законы, писанные по-польски, между тѣмъ какъ для Литвы существовалъ Трибуналъ великаго княжества Литовскаго и законы, писанные по-русски.

Въ виду всего указаннаго выше, несомнѣнно, что источникомъ права для обывателей великаго княжества Литовскаго въ теченіе всего времени отъ изданія Литовскаго Статута и до паденія Рѣчи Посполитой служилъ именно этотъ Статутъ, сеймовыя же конституціи имѣли силу въ Литвѣ лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ не встрѣчались съ однородными по содержанію опредѣленіями Литовскаго Статута.

Признавая Литовскій Статутъ главнымъ источникомъ права въ предѣлахъ великаго княжества, законодатель, въ виду несовершенствъ этого свода, допускаетъ, однако, существованіе субсидіарныхъ источниковъ права, такъ въ разд. IV, арт. 54, говорится «Мы, Государь, а также главный судъ, воеводы, старосты и чиновники наши: судья, подсудокъ и судъ замковый или придворный и всякій иной, не имѣетъ права судить и постановлять приговоры по собственному усмотрѣнію («зъ головы»), предположенію или на основаніи собранныхъ ими частнымъ путемъ свѣдѣній, но обязаны судить и рѣшать дѣла только согласно этому Статуту и артикуламъ, въ немъ изображеннымъ, и на основаніи показаній и обмѣна возраженій на судѣ. Въ томъ же случаѣ, когда бы въ Статутѣ не оказалось опредѣленій для разрѣ-

шенія даннаго вопроса («а гдѣ бы чого въ томъ Статуте не доставало»), тогда судъ обязанъ разрѣшить дѣло насколько возможно справедливѣе, согласно своей совѣсти и принимая за образецъ законы другихъ христіанскихъ народовъ»¹⁾.

Для разрѣшенія вопроса о томъ, что разумѣеть Статутъ подъ «иными христіанскими законами», мы находимъ указанія отчасти въ самомъ текстѣ Статута, отчасти въ исторіи литовскаго права. Въ разд. V, ар. 20, говорится, что разводы должны быть совершаемы только передъ духовнымъ судомъ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежатъ супруги, а въ ар. 22, того-же раздѣла возбраняется вступленіе въ бракъ въ опредѣленныхъ степеняхъ родства, воспрещенныхъ «закономъ божескимъ и христіанскимъ». Такимъ образомъ подъ именемъ христіанскихъ законовъ понимаются въ этихъ артикулахъ положенія *Каноническаго права*.

Въ разд. XI, арт. 7, Литовскій Статутъ 1588 г. назначаетъ за убійство родителей наказаніе, заимствованное изъ *римскаго права*. Этотъ видъ казни настолько оригиналенъ, что относительно источника заимствования не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, лишь нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ казни принадлежатъ Статуту: Отцеубійцу зашиваютъ въ кожаный мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, пѣтухомъ, ужемъ и *кошкою* и подвергаютъ утопленію. По римскому праву съ отцеубійцею зашиваютъ въ мѣшокъ обезьяну, по

¹⁾ Лит. Стат. 1588 г., разд. IV, ар. 54. «Судъ, прихилиючися до ближшее справедливости воде сумнѣнья своего и прикладомъ иныхъ правъ христіанскихъ то отпировати и судити маеть». Ср. разд. III, ар. 2.

Статуту—кошку. Равнымъ образомъ, въ разд. VIII, арт. 7, исчисленіе причинъ, въ силу которыхъ родители могутъ лишиться своихъ дѣтей наслѣдства, заимствовано изъ римскаго права, съ тою только разницею, что вмѣсто 14 причинъ, исчисляемыхъ *римскимъ правомъ*, Статутъ признаетъ только семь, при чемъ заимствования эти были сдѣланы не изъ Юстиніановскаго текста, а изъ толкованій къ Саксонскому зеркалу.—Мы видѣли уже выше, что редакторамъ Статута 1588 г. было вмѣнено въ обязанность привести Литовское право къ возможно большему единенію съ правомъ польскимъ; если же мы обратимся затѣмъ къ историческимъ свидѣтельствамъ, то увидимъ, что уже въ древнѣйшей грамотѣ, пожалованной В. Ягелломъ своему удѣлу и землямъ своего брата Скиргайла въ 1387 г., предоставляется боярамъ этихъ областей право распоряженія принадлежащею имъ недвижимою собственностью на тѣхъ же основаніяхъ, какъ *шляхтичамъ Польскаго Королевства* ¹⁾. Тоже повторяетъ знаменитая земская привилегія 1413 г. въ Городлѣ ²⁾ и другія жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ, напр. жалованная грамота Казимира Ягеллона отъ 1457 г., Александра Ягеллона отъ 1492 г., Сигизмунда I отъ 1506 г.

На основаніи всего указаннаго, мы въ правѣ утверждать, что Литовскій Статутъ подъ именемъ законовъ другихъ христіанскихъ народовъ понималъ ближайшимъ образомъ нормы права каноническаго, римскаго и польскаго и позволялъ прибѣгать къ нимъ, въ случаѣ неполноты собственныхъ опредѣленій.

¹⁾ *Działyński. Zbiór praw Litewskich. Poz., 1841 г., р. 1.*

²⁾ *Иб. стр. 7, слѣд.*

Было бы, впрочемъ, неправильнымъ думать, что Литовскій Статутъ признаетъ въ качествѣ субсидіарнаго права только иноземные источники. Ничуть не бывало: Третій Статутъ предоставляетъ, отмѣненнымъ имъ, прежнимъ редакціямъ 1529 и 1566 года, а равно и земскому обычаю то же самое значеніе вспомогательныхъ источниковъ, какъ и нормамъ иностраннымъ. Въ разд. III, арт. 17, говорится, что сыновья и дочери наслѣдство «звычайемъ стародавнимъ и тежъ Статутомъ Первымъ и теперешнимъ мають посягнути и одержати».

III.

Указавъ въ предыдущей главѣ, что одинъ только русскій текстъ Литовскаго Статута 1588 г. есть несомнѣнный источникъ для выясненія юридическихъ принциповъ литовскаго права, и что Литовскій Статутъ, въ качествѣ утвержденного законодательною властію сборника мѣстныхъ законовъ, опредѣлялъ всѣ юридическія отношенія въ Литвѣ, перейдемъ къ рѣшенію вопроса о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществвахъ. Не имѣя надобности входить въ разсмотрѣніе общихъ принциповъ наслѣдованія по литовскому праву, такъ какъ по этому предмету имѣется обстоятельное изслѣдованіе покойнаго профессора Московскаго университета Бѣляева ¹⁾, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ

¹⁾ И. Бѣляевъ. О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ, до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. Москва 1858. — Вопросу о наслѣдованіи по закону въ Юго-Западной Руси посвященъ конецъ книги, стр. 117—140.

общихъ вопросахъ наслѣдованія, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ нашей задачѣ.

Старинное начало, признанное еще Русскою Правдою, въ силу котораго къ наслѣдованію въ боярской собственности призывались, въ случаѣ отсутствія сыновей, дочери, находятъ себѣ мѣсто въ древнѣйшихъ памятникахъ литовскаго законодательства. Въ Городельской привилегіи 1413 г. говорится ¹⁾: «По смерти отца, дѣти не будутъ лишаемы наслѣдственнаго имущества, но будутъ имѣть обладать со своими наслѣдниками, подобно тому, какъ бароны и шляхта Королевства Польскаго владѣютъ своими имуществами и распоряжаются оными по своему благоусмотрѣнію». Что въ этой грамотѣ подъ словомъ дѣтей разумѣются дѣти обоего пола, это видно изъ привилегіи Казимира Ягеллона отъ 1457 г. ²⁾, въ которой онъ подтверждаетъ населенію великаго княжества Литовскаго права, дарованныя великими князьями Витовтомъ и Сигизмундомъ. Только-что приведенныя нами привилегіи признаютъ и другой старинный русскій принципъ, въ силу котораго имущество матери составляло ея особую, самостоятельную собственность, такъ какъ въ Городельской привилегіи говорится: «Предоставляется имъ (панамъ, шляхтѣ и боярамъ) назначать своимъ женамъ обезпече-

¹⁾ Vol. legum t. I, p. 66—70, § VI, въ концѣ. Item, post mortem patris, liberi non debent bonis haereditariis privari, sed ea cum suis successoribus possidere, prout barones et nobiles Regni Poloniae sua possident et in usus convertunt beneplacitos.

²⁾ Działyński. Zbiór praw Litewskich, стр. 32, § VIII. Item, post mortem patrum, pueri (!) sexus utriusque a bonis haereditariis non debent alienari, или какъ говорится въ древне-русскомъ текстѣ этой привилегіи (тамъ-же, текстъ рядомъ): «И тежъ по смерти отцовъ, дѣти какъ мужчизны, такъ и жоны отъ имѣней отчизныхъ не мають быть отдаливаны»...

ніе приданого на земляхъ и деревняхъ, какъ въ наслѣдственныхъ вотчинахъ, такъ и въ (имѣніяхъ), пожалованныхъ нами въ вотчину» ¹⁾. Эти положенія легли въ основу наслѣдственного права въ томъ видѣ, какъ оно впервые сведено въ одно цѣлое въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г.—Артикуль 9, III раздѣла, изъ котораго сложился въ послѣдствіи 17 арт. III разд. Литовскаго Статута 1588 г., есть ничто иное, какъ дословное повтореніе распоряженія жалованныхъ грамотъ Витовта, Казиміра и ихъ преемниковъ ²⁾.

Обыкновенно признается, что основной принципъ наслѣдованія въ отцовской собственности выраженъ въ 14 арт. VII раздѣла Третьяго Литовскаго Статута. Здѣсь говорится:

«Постановляемъ, что всякое материнское имущество, оставшееся по смерти матери безъ надлежащаго завѣщанія, какъ недвижимое, такъ и движимое, т.-е. наличныя деньги, золото, серебро, жемчугъ, драгоценныя камни, платье и всякаго рода наряды (а также посуда), оловянная, мѣдная, лошади, экипажи, ковры, занавѣсы, и всякіе иные предметы домашняго обихода, также и материнское приданое, которое не было бы никому уступлено на основаніи письменнаго документа, все это идетъ въ раздѣлъ поровну между всѣми дѣтьми, какъ сыновьями, такъ и дочерьми. Имущество же, остав-

¹⁾ Ibid, стр. 13, § VII. «Similiter uxoribus suis dotalitia in bonis et villis, quas ex successione paterno vel concessione nostra perpetua habuerint vel fuerint habituri, poterint assignare»...

²⁾ Различіе заключается лишь въ томъ, что вмѣсто словъ «бароны и шляхта Королевства Польскаго», ар. 9, III разд., 36 Статута 1529 г. имѣтъ «княжата и паны хоругвовные, шляхта и мѣщане великаго княжества Литовскаго».

шееса послѣ отца, какъ въ имѣніяхъ недвижимыхъ, такъ и въ движимости, переходитъ *только* къ сыновьямъ и родственникамъ со стороны отца (по мечу), такъ какъ объ этомъ опредѣлено въ другомъ мѣстѣ; въ особенности же, если бы это имущество не было передано кому-либо письменнымъ актомъ (при жизни) или же по завѣщанію».

На первый взглядъ, распоряженіе этого артикула отличается безусловною опредѣленностью: наслѣдуютъ въ отцовскомъ имуществѣ только братья и родственники со стороны отца.—Однако подобное категорическое устраненіе дочерей отъ наслѣдованія въ отцовскомъ имуществѣ не только противорѣчитъ, указаннымъ нами ранѣе, стариннымъ принципамъ литовскаго права, но равнымъ образомъ несогласимо и съ опредѣленіями самого Статута 1588 г. Устанавливая, повидимому, совершенное исключеніе дочерей и родственниковъ со стороны матери отъ наслѣдованія въ отцовскихъ имуществвахъ, арт. 14, разд. VII ссылается на то, что это устраненіе опредѣлено ближайшимъ образомъ «въ другомъ мѣстѣ». Обращаясь къ тѣмъ артикуламъ Статута, которые опредѣляютъ порядокъ наслѣдованія въ имуществвахъ отцовскихъ и материнскихъ, мы встрѣчаемъ прямо относящійся къ этому вопросу артикуль 17, разд. III. Сравнивая, однако, распоряженія этого артикула съ только-что указанными, мы должны допустить, что распоряженія артикула 14, разд. VII, о признаніи наслѣдниками въ отцовскомъ имуществѣ *только* сыновей и родственниковъ съ отцовской стороны есть или результатъ неудовлетворительной редакціи текста, или просто коррек-

турная опечатка. Если мы предположимъ, что слово «только» не опечатка, а дѣйствительно находилось въ подлинномъ рукописномъ текстѣ Третьяго Статута, то все-таки распоряженіе 14 артикула должно быть понимаемо какъ устраняющее дочерей отъ права наслѣдованія не безусловно, а только въ томъ случаѣ, когда есть на лицо наслѣдники *мужского пола*. Такое пониманіе 14 артикула опирается на слѣдующія слова 17 артикула: «А если бы Господь Богъ допустилъ, чтобы всѣ братья умерли и ни у кого изъ нихъ не осталось потомства, или хотя бы и было, но потомъ пресѣклось, тогда всѣ имущества, доставшіяся *отцу по наслѣдству*, а также и *пріобрѣтенныя всякими иными способами, переходятъ по наслѣдству къ дочерямъ и ихъ потомству*».

Слѣдовательно, выраженіе 14 артикула «только къ братьямъ» должно быть понимаемо такъ: Отцовское имущество переходитъ въ обыкновенномъ порядкѣ наслѣдства къ братьямъ, если же братьевъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ и къ сестрамъ. Сестры наслѣдуютъ не въ обыкновенномъ порядкѣ, а въ случаѣ отсутствія братьевъ. Поэтому, предполагая, что законодатель мыслить логически и выражается грамматически, мы должны допустить, что сомнительное слово 14 арт., V разд. «только» имѣетъ то же самое значеніе для остальной части фразы, которое оно имѣло для первой, и что второе дополненіе стоитъ къ сказуемому въ томъ же отношеніи, какъ и первое, а именно слова:—«Отцовскія имѣнія переходятъ по наслѣдству «только» къ родственникамъ *съ отцовской стороны*»—имѣютъ точно такой же смыслъ, ка-

кой они имѣли по отношенію къ братьямъ, т.-е. какъ тамъ слово «только» не имѣетъ безусловнаго значенія и сестры наслѣдуютъ въ отцовскомъ имуществѣ, когда нѣтъ братьевъ, такъ точно и здѣсь слово «только» не имѣетъ безусловнаго значенія, и когда нѣтъ родственниковъ со стороны отца, то наслѣдуютъ родственники со стороны матери.

Для доказательства нашего положенія обратимся къ болѣе близкому разсмотрѣнію распоряженій 17 артикула III-го раздѣла.

Отвергая оффиціальное значеніе всѣхъ польскихъ текстовъ, съ которыхъ сдѣланы всѣ существующіе переводы, мы прежде всего приведемъ русскій текстъ этого артикула по изданію Мамоничей 1588 г., а затѣмъ предложимъ свой переводъ этого текста на современный русскій языкъ.

Подлинный русскій текстъ Третьяго Литовскаго Статута.

Раздѣлъ III, артикулъ 17. *По смерти отцовъ и матокъ и иныхъ кровныхъ и близкихъ ихъ детей и потомковъ и близкихъ дедичьства спадку выслуши и всякого набытъя а неотдаляти и о спадку на насъ господара по безъпотомънымъ.* Тежъ уставуемъ ижъ по смерти отцовъ и матокъ дети ихъ сынове и дочки отъ отчизъны и матерызны не мають быти отъдалены але они сами и ихъ шадки властные кровъные и близкие правомъ прирожонымъ и слушне набытымъ звычайемъ стародавнымъ, и тежъ статутомъ первымъ и тепѣрешнимъ, мають посегнути и одержати и тые добра на пожитокъ свой оборочати вечными часы. А то жъ се тежъ будетъ розумети

о близкостяхъ спадкохъ выслугахъ и всякомъ набытью подлугъ права, а то тымъ обычаемъ, естли бы было колько братьи сестръ рожоныхъ выданныхъ або не выданныхъ замужъ, а тые бы братья межи собою отчизною и куплею которие се в отчизну имъ оборочати маеть поделилисе, або еще и не поделилисе, а который бы з нихъ умеръ, незоставившы по собе плоду, тогда его часть отчизны и купли толко на братью приходить и на ихъ потомство, а на сестры только выправа с четвертьтое части всякого имения отчизного и купленого, и то естли бы которой передъ тымъ з нихъ за мужъ по смерти отцовской идучи отъ тое братьи не была дана. А естли бы была материзна, тогда мають братья зъ сестрами ровно поделити межи собою, пак ли бы панъ Богъ допустилъ, же бы оные братья померли вси, а в жадного потомъства по нихъ не зостало, а хотяжъ бы и было, а потомъ се звело, тогда оная вся отъчизная, и всякимъ обычаемъ набытые имения, за се на сестры и на ихъ потомства спадывають, нижли естли бы еще такъ же панъ Богъ допустилъ, жебы оныхъ братей и сестръ а ни ихъ потомъства и щадковъ не зостало, тогда оная отчизна ихъ вся такъ же всякимъ обычаемъ слушне набытые имения и маетность маеть на близкихъ спадывати, который есть на близший до отчизны до материзны наблизшие по мечу водлугъ того жъ поступку, такъ же тежъ и материстое маеть спасти на тыхъ которые будуть до материстого имения наблизшие по матъце оныхъ змерлыхъ, естли бы через нихъ кому слушнымъ записомъ не было заведено, кроме тыхъ ко-

торые безъ потомковъ близкихъ шадковъ и на-
следковъ своихъ зомрутъ, ни на кого права своего
прирожного выслужоного и набытого не въливъшы
и не записавшы, бо по тыхъ и такимъ обычаемъ именье
спадкомъ на речъ посполитую, и на насъ господара
великого князя, и потомковъ нашихъ великихъ кня-
зей литовскихъ приходятъ и приходити будутъ.

Переводъ на современный языкъ.

*«По смерти отцовъ и матерей и иныхъ родственни-
ковъ со стороны отца и со стороны матери («кровныхъ
и близкихъ»), ихъ дѣти и потомки, родственники не
будутъ устраняемы отъ наслѣдованія въ вотчинахъ, въ
выслуженныхъ имѣнιάхъ и во всякомъ благопріобрѣтен-
номъ имуществѣ. Но наслѣдованіи Насъ, Государя, послѣ
лицъ, неимѣющихъ родственниковъ».*— «Также поста-
новляемъ, что по смерти отцовъ и матерей ихъ дѣти,
сыновья и дочери, не будутъ устраняемы отъ на-
слѣдованія въ имѣнιάхъ отцовскихъ и материнскихъ,
но они сами и ихъ собственное потомство, род-
ственники со стороны отца и родственники со сто-
роны матери («кровные и близкіе»), предъявляютъ
претензіи и получаютъ оныя имущества, соотвѣт-
ственно праву родства и пріобрѣтенію надлежащимъ
путемъ, согласно стародавнему обычаю, а также
(распоряженіямъ) прежняго Статута и нынѣшняго,
и обращаютъ оныя имущества на свою пользу на-
всегда. То-же самое будетъ разумѣемо относительно
наслѣдованія въ прямой и боковыхъ линіяхъ, въ
имѣнιάхъ выслуженныхъ и во всемъ, пріобрѣтен-
номъ, согласно опредѣленіямъ права, а именно:
Еслибы было нѣсколько родныхъ братьевъ и се-

стеръ, выданныхъ уже или еще не выданныхъ замужъ, а оныя братья подѣлились уже или еще не подѣлились между собою отцовскимъ родовымъ имуществомъ и имѣніями, купленными отцомъ, которыя для нихъ становятся родовой собственностію, и одинъ изъ братьевъ умеръ, не оставивши послѣ себя дѣтей, тогда его доля отцовскаго родового и благопріобрѣтеннаго имущества поступаетъ только къ братьямъ и ихъ потомству; сестрамъ же выдѣляется изъ четвертой части всего отцовскаго имущества, родового и благопріобрѣтеннаго, только приданое, и это лишь въ томъ случаѣ, когда которой-нибудь изъ сестеръ, при выходѣ ея замужъ послѣ смерти отца, не было дано братьями приданого. Въ материнскомъ же имуществѣ братья должны раздѣлиться съ сестрами поровну. А если бы попущеніемъ Божиимъ всѣ братья умерли и ни у кого изъ нихъ не осталось потомства, или хотя бы и было, но потомъ прекратилось, въ такомъ случаѣ всѣ отцовскія родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія наследуютъ сестры и ихъ потомство. Но если бы попущеніемъ Божиимъ не осталось бы ни братьевъ, ни сестеръ, ни ихъ потомства, даже и самаго отдаленнаго, тогда всѣ перешедшія къ нимъ отцовскія родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія и имущества переходятъ по наследству къ родственникамъ, къ тому изъ нихъ, кто болѣе близокъ по родству къ имуществу отцовскому и материнскому со стороны отца, сообразно указаннымъ выше основаніямъ; точно также и материнское имущество переходитъ по наследству къ тѣмъ, которые будутъ наиболѣе близкими родственниками къ матери, умершихъ безъ потомства, братьевъ

и сестеръ, за исключеніемъ того случая, когда они передали это имущество кому-либо (изъ не имѣющихъ права на наслѣдованіе) письменнымъ документомъ, надлежащимъ образомъ совершеннымъ. Что же касается тѣхъ лицъ, которыя умрутъ безъ потомства, родныхъ со стороны отца и со стороны матери, самыхъ отдаленныхъ нисходящихъ и наслѣдниковъ своихъ, никому не передавъ и (ни за кѣмъ) не утвердивъ письменными актами своихъ наслѣдственныхъ, пріобрѣтенныхъ службою и иными способами правъ, — то, при этихъ условіяхъ, имѣнія (ихъ) поступаютъ и будутъ поступать наслѣдственнымъ порядкомъ къ Рѣчи Посполитой и къ намъ, государю, великому князю, и потомкамъ нашимъ, великимъ князьямъ литовскимъ».

Предложенный нами переводъ можетъ показаться, на первый взглядъ, черезъ-чуръ свободнымъ, въ особенности же передача терминовъ Статута «Кровные и близкіе» — словами «родственники со стороны отца и родственники со стороны матери». Для провѣрки правильности этого перевода, обратимся къ установленію точнаго значенія тѣхъ терминовъ, которые употребляются въ 17 арт., разд. III, для обозначенія лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, въ силу родственной ихъ связи съ наслѣдодателемъ.¹⁾

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на терми-

¹⁾ Разд. III, арт. 17. «По смерти отцовъ и матокъ и иныхъ кровныхъ и близкихъ ихъ детей и потомковъ и близкихъ дедичства спадку выслути и всякаго набытѣя а не отдаляти»...

«Тежъ уставуемъ, ижъ по смерти отцовъ и матокъ дети ихъ сынове и дочки отъ отчины и матерыны не мають быти отъдалены, але они сами и ихъ шадки властныя кровныя и близкіе ...мають одержати»... и въ концѣ артикула «...Кроме тыхъ, которые безъ потомковъ близкихъ шадковъ и наследковъ своихъ зомрутъ»

нахъ, не подлежащихъ сомнѣнію, каковы: «отецъ, matka, сынъ, дочь, дѣти, потомство», но примемъ во вниманіе лишь тѣ, которые могутъ подать поводъ къ сомнѣніямъ, таковы: «щадокъ, кровные, близкіе».

Остановимся прежде всего на словѣ «щадокъ».

Это старинное слово, вышедшее нынче изъ употребленія въ русскомъ и польскомъ языкахъ¹⁾, и удержавшееся только въ малороссійскомъ языкѣ²⁾, означало въ литературномъ западно-русскомъ языкѣ въ концѣ XIV, XV и началѣ XVI вв. «самое отдаленное потомство», какъ видно, напр., изъ грамоты короля Вл. Ягелло отъ 1394 г., іюня 29, въ которой онъ, жалуя своему слугѣ Данилу Дажбоговичу Задеревицкому разныя селенія, говоритъ: «А при томъ всемъ оставляемъ его и его дѣтки и его намѣстки, и его шатки на вѣки вѣкомъ, непо-рушно никимъ». Изъ ряда документовъ XV и XVI в., которые мы приводимъ въ примѣчаніяхъ, видно, какимъ образомъ слово «щадокъ» постепенно выходитъ изъ оборота, замѣняясь словомъ «потомство»³⁾. По-

¹⁾ Въ Польскомъ языкѣ, (ср. *V. Linde Słownik języka Polskiego*. 1858, стр. 426), слову «щадокъ» соотвѣтствуетъ, вышедшее теперь изъ употребленія слово *Szczął, Szcząłd, Szcząłt, Szcząłtek*, ... оно обозначаетъ: «небольшой остатокъ» «малость», *ein kleines Ueberrest, ein kleines Bischen*. — Слово *Szcząłtek*, употребленное въ его крайне рѣдкомъ, первоначальномъ, значеніи *progenies* (поколѣніе, потомство), встрѣчается въ старинной брошюрѣ 1564 г. «*Rozmowa Polaka z Litwinem*» изд. др. Гр. Корженевскимъ. Ср. рецензію на него известнаго слависта пр. Брюкнера въ *Kwartalnik historyczny*, 1891, p. 856.

²⁾ Ев. Желиховскій Малорусско-нѣмецкій словарь. Льв. 1886. «Щадокъ» «Потомство, отрасль», также «остатокъ, Ueberrest, мощи».

³⁾ Въ 1499 г., января 16, великій князь Александръ Ягеллонъ въ подтвердительной грамотѣ на Слуцкъ и Копыль говоритъ, что онъ жалуетъ эти имѣнія князю «Семену Михайловичу Слуцкому, ему, его жонѣ и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будущимъ щадкомъ». СРАВ. Акты Запад. Россіи, изд. Археогр. комиссіи, т. I, №№ 218, 221, 222; т. II, №№ 33,

этому, употребленіе въ 17 артикулѣ, III разд., обоихъ словъ, «потомство и шадки», заставляетъ предполагать, что словомъ «шадки» редакторы хотѣли подчеркнуть отсутствіе ограниченій права наслѣдованія какою бы то ни было степенью родства, что, впрочемъ, и помимо того совершенно ясно вытекаетъ изъ всѣхъ распоряженій этого артикула. Что слову «шадокъ» придавался именно указанный нами смыслъ, это видно изъ того обстоятельства, что всѣ рукописи Волинскаго Статута въ спискахъ XVII и XVIII столѣтій какъ русскія, такъ и польскія передаютъ конецъ 17 арт., III разд. такъ: «А еслибы потомства, близкихъ, шадковъ изъ слядковъ (наслѣдковъ) и надальшаго вжебы въ поколѣнью кровныхъ близкихъ не достало и никому отъ нихъ записано и заведено не было, тогда по тымъ и по таковымъ обычаемъ имѣнья на насъ Господара великаго князя литовскаго... приходити будутъ»¹⁾.

70.—Акты Южной и Запад. Россіи т. I, №№ 42, 49, 70; т. II, №№ 72, 77, 78. Въ частности, въ грамотѣ королевы Елены отъ 1507 г., декабря 15, сказано: «подтверждаемъ тые дворы... вѣчно ему, его жонѣ и ихъ дѣтемъ и на потомъ будучимъ ихъ шадкимъ и ближнимъ ихъ». Въ № 49 говорится: «вольна кнегиня Семенова Михайлова, кнегини Настася Слущкая и ее дѣти, и ихъ ближніи, и на потомъ будучіи ихъ шадки тое имѣнье Кокоричи... отдати и продати и замѣнити. Въ № 75 сказано, что имѣние пожаловано боярину Адаму Федоровичу «ему самому и жонѣ его и ихъ дѣтемъ и потомкамъ ихъ будучимъ, шадкамъ», 1524 г., мая 11.—Въ грамотѣ Мстиславскаго князя Михаила Ивановича, № 97, отъ окт. 1533 г., говорится объ уступкѣ имѣнія «ничого на себе и на дѣти и на потомки и на ближніи свои не оставляючи». № 112, 1543, февр. 9, подтверждается имѣние кн. Фед. Анд. Сонгушковичу, маршалку Волинской земли, старостѣ Володимирскому и его кнегини, и дѣтемъ, и на потомъ будучимъ имъ шадкомъ и близкимъ». № 129. Пожаловано имѣние князю Пронскому, «его милости самому, его милости кнегини, дѣтемъ и потомкамъ ихъ милости». № 141. Пожаловано имѣние «мужу, женѣ, дѣтемъ и потомкамъ ихъ» (1560). Срав. № 182, 1562, №№ 199, 203, 205.

¹⁾ Временникъ Москов. Общ. Истор. и Древ., т. 23. Рукопись Второго

Обратимся теперь къ выясненію значенія терминовъ «кровные и близкіе».

По словамъ извѣстнаго знатока древняго польскаго права, недавно умершаго Р. Губе, въ польскихъ актахъ XIV вѣка. «Ближайшіе родственники носятъ обыкновенно названіе *amicī*... Наиболѣе отдаленные встрѣчаются подъ общимъ нарицательнымъ терминомъ, напр., кровные (*consanguinei*). Чѣмъ ближе кто къ данному лицу, по сравненію съ другими родственниками, тѣмъ болѣе правами пользуется онъ въ силу этой близости, называемой по латыни *propinquitās, jus propinquitatis*»¹⁾.

Совершенно въ такомъ же значеніи встрѣчаются оба эти слова въ литовскихъ юридическихъ памятникахъ, такъ, въ привилегіи Казимира Ягеллона отъ 1457 г. говорится въ § IX: «*Si vidua... ad secundas convolare voluerit nuptias... pueri in bonis paternis remanere debent. Et si pueri non fuerint, tunc propinqui prioris maritis*»²⁾, что передано въ современномъ русскомъ текстѣ такъ: «Ажь, пакъ, не будетъ дѣтей первого мужа, ино ближнимъ имѣнье первого мужа»³⁾.

Въ грамотѣ Александра Ягеллона отъ 1492 г. слово *propinquus* уже отождествляется съ словомъ *consanguineus*: «Не дозволено будетъ», говорится въ этой грамотѣ, «никому, въ ущербъ кровнымъ или

или Волынскаго Статута, съ которой онъ напечатанъ во Временникѣ, писана Василиемъ Усовичемъ, магистратскимъ писаремъ и присяжнымъ синдикомъ кievскимъ, жившемъ въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка.

¹⁾ R. Hube Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schilkowi 14 wieku. Warszawa 1886, стр. 119.

²⁾ Działyński, в. наз. соч. стр. 32.

³⁾ Акты Запад. Россіи, т. I, № 61.

близкимъ, выкупать наслѣдственныя имѣнія; но пусть тотъ, кто болѣе близокъ, уплативъ деньги, вступаетъ во владѣніе наслѣдственными имѣніями»¹⁾.

Обращаясь затѣмъ ко всѣмъ тремъ Литовскимъ Статутамъ, мы видимъ, что уже съ Перваго Статута 1529 г. термины «близкій и кровный», повсюду замѣняя другъ друга, постоянно употребляются для выраженія понятія родства въ самомъ обширномъ его смыслѣ²⁾.

¹⁾ Działyński, в. н. соч., стр. 65, § XXXVII. «Bona haereditaria a propinquis non redimenda.»—Item, a consanguineis et propinquis bona haereditaria alicujus non redimemus neque ea aliquis redimere debet in praejudicium ipsorum consanguineorum vel propinquorum, sed solummodo iste, qui propinquior extiterit, repositis pecuniis bona haereditaria obtinebit et possidebit.

²⁾ *Первый Литовскій Статутъ 1529 г.*, — изд. Дзялынскаго, ср. также изд. Моск. Общ. Ист. и Древн. Времен. к. 17.—Разд. IV, арт. 12. «А естлибы (дѣвица) мѣла лѣта свои и братя або стрыи задержали а не хотѣли бы ее замужъ выдати, тогда маеть ся втечи до иншихъ кривныхъ своихъ або до владу. А владъ, або кривные мають доволити замужъ пойти; а она за волю владу, або ближнихъ своихъ замужъ поидеть, тогда таковая имена не маеть тратити; а безъ воли владу або ближнихъ, хотя бы лѣта мѣла, замужъ поидеть, тогда имѣне тратить.»—Едвали нужно доказывать что здѣсь кривные отождествляются съ близкими или ближними, и что тѣ и другіе представляютъ отдаленныхъ родственниковъ.

Второй Литовскій Статутъ 1566 г., — изд. М. Общ. Ист. и Древн. Врем. кн. 23, по списку конца XVI или начала XVII в., — Разд. V, арт. 10, говоритъ слѣдующее: А гдѣ бы она (вдова) и потомъ будучи на вдовьемъ столы, дѣтямъ имѣнья скарбы утрачала, тогда стріеве, або ближніе мають ее притягнути передъ урядъ земскій на рокъ певный, яко на завитый, и доведутъ ли того же утрачала, маеть опеку и имѣня и дѣти пустиити кривнымъ». И ниже, «А кгда бы стріевъ и иншихъ кривныхъ не было тогда Мы, Господарь... опекуновъ оселыхъ (маемъ) на тое мѣстце уставити... Такимъ образомъ, несомнѣнно, что и во Второмъ Статутѣ терминъ «близкій» и «кривный» суть термины тождественные: Въ началѣ артикула говорится о дядяхъ или иныхъ «близкихъ», а въ концѣ—о дядяхъ и «кривныхъ», въ томъ и другомъ мѣстѣ по одному и тому же поводу, т. е. по поводу обязанности принять на себя опеку въ случаѣ раззоренія эпекуншею-матерью имѣній, оставленныхъ дѣтямъ.

Третій Литовскій Статутъ 1588 г. Изд. Моск. Общ. Ист. и Древн.,

Но если термины «кровный и близкій» представляются синонимами, то спрашивается, какое они обозначают родство. Кто такое эти кровные, близкіе?

изд. 1854 г., Временникъ, кн. 19.—Изъ этого статута, какъ наиболѣе важнаго для рѣшенія вопроса, мы приведемъ значительное количество мѣстъ, а именно:

Въ разд. V, арт. 1 говорится: «Потому жъ ся матки, братья, стрыеве и иные близкіе околѣ выдаваня въ станъ мальженскій девки народу шляхетскаго заховати... мають. Разд. V, арт. 2, говоритъ: А того именья которого отецъ братъ, або близкій, купивши, по той девце даеть мають спольне уживати. Разд. V, арт. 4, девкамъ за живота отцовского выданымъ а ни ихъ детемъ потомству братья и иньи близкіи никотораго посагу и выправы давати неповинни». Разд. V, арт. 9... «Братья тежъ або стрыеве и которые колвекъ близкіе маючи сестры въ опеце своей, покуль ся замужъ выддутъ, а мають ихъ учтиве на всемъ ховати». Разд. V, арт. 16... «А которой жене што отъ мужа лежачаго именье записано будетъ, таковыя вжо отъ детей а ни отъ близкихъ части... въ именью мужнемъ домагатисе не мають. Разд. V, арт. 21. Маенность (жены, приобрьвшеи собственность въ бракъ и умершей безъ потомства) маеть спадаати половица на кривныхъ онаго мужа першаго, а половица на кривныхъ ее, то се тежъ маеть разумети и о такой жене естлибы первей мужа умерла ижъ по ее смерти маенность на мужа и детей приходити будетъ, и потомъ далей на близкихъ... Разд. VI, арт. 9, предписываетъ, чтобы «братъ старшій дошедши летъ своихъ зуполныхъ не вымовляючи се братьею своею недорослою, о разделъ именей меже кровными и повиноватыми своими виненъ будетъ усраведливетися. Разд. VII, арт. 1, дозволяетъ каждому всякія имѣнья «отдати, продати, даровати, записати, заставити, отъ детей и близкіихъ отдалити. Въ Разд. VII, арт. 5 воспрещается записывать кому бы то ни было „спадокъ, который бы мель на него приити по близкости якимъ колвекъ правомъ. Въ VII Разд., арт. 9 говоритъ: обь отыскиваніи изъ чужого владѣнія, «имѣнія близкости своею» Въ Разд. VII, арт. 18, опредѣляется, что дѣти въ томъ случаѣ «естли бы отецъ або matka отьумерли права на якіи спадокъ который имъ по якимъ близкімъ прыналежитъ тогда дети, дошедши тог спадку... повинни зъ него долги отцовскіе або матчины платити... Тоже, Разд. IX, арт. 2., гдѣ говорится, что въ случаѣ раздѣла «гдѣ бы братья або близкіе а ни листовъ делчихъ межи себе не давша а ни на враде делу не сознавши толко промежку себе которое именье люди разобрали.» Въ Разд. XI, арт. 2, опредѣляется, что въ томъ случаѣ, «если бы господарь домовый забить былъ, тогда жона его и дети, а не будетъ ли жоны або детей, тогда близкіе квалту зыскивати и доводити будутъ»... Еще два, послѣднихъ примѣра: Въ Разд. XI, арт. 4, говорится, что «именье

Съ кѣмъ они связаны кровнымъ происхожденіемъ, кому они близки. Простирается ли понятіе родства на обѣ линіи, т.-е. отцовскую и материнскую, и если простирается, то какія отсюда могутъ быть сдѣланы заключенія къ вопросу о наслѣдованіи имуществъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ? ¹⁾

(убійцы) маеть быти въ той головщинѣ и въ шкодахъ подано детемъ забитого або кровнымъ», а немного пониже, упоминая о томъ случаѣ когда убійца, получивъ охранную грамоту, не смогъ снять съ себя обвиненія въ теченіе года и шести недѣль, *арт. 4* опредѣляеть: «тогда дети або близкіе забитого вжо тое имени стороны противное держати и вживати мають». Наконецъ, тамъ же, въ *Разд. XI, арт. 6-мъ* говорится, что въ случаѣ причиненія смерти однимъ изъ супруговъ другому «о такое окрутенство и замордованье дети або кровные того замордованного мають... оповедати и обжаловати и инстыктовати». А немного пониже, «тые дети або близкіе, которые будутъ инстиговати, близшые будутъ самотреть зъ суседы околичными шляхтою... присегнути»...

¹⁾ До 1566 г. существовало рѣзкое различіе въ правѣ распоряженія родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ: На основаніи, напр., *16* и *17 арт., I разд.* Старого Статута 1529 г. безусловно воспрещается отчуждать свыше $\frac{1}{3}$ недвижимой родовой собственности, «отчизны и материзны», и даже эту треть не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія или великаго князя, или его чиновниковъ. Въ виду особенной нужды и, въ частности, для отбыванія воинской повинности дозволено было заложить и остальные двѣ трети, но не иначе какъ по указной цѣнѣ, съ предоставленіемъ выкупа этихъ имѣній во всякое время родственникамъ залогодателя. Помѣстные же земли могли быть отчуждаемы въ $\frac{1}{3}$ или же отдаваемы въ залогъ не иначе, какъ съ спеціальнаго разрѣшенія самого великаго князя.—Съ іюня мѣсяца 1566 года, всѣ ограниченія въ правѣ распоряженія родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями были отмѣнены постановленіемъ Берейстейскаго сейма, которое и вошло цѣликомъ во Второй Литовскій Статутъ, составивъ въ немъ *артикулы 1, въ раздѣлѣ VII-мъ* (арт. 2, 3, 4, 5, помѣщенные въ списокъ, изданномъ Моск. общ. Ист. и Древ., остались въ немъ отъ прежней редакціи, которая была представлена на утвержденіе въ 1564 г.); актомъ же Люблинской уніи 1569 г. всякое различіе между помѣстными и вотчинами уничтожено: Распоряженіемъ ея *18 § (Vol. leg., t. II, f. 774)* всѣ фактическия владѣльцы великокняжескихъ имѣній объявляются вѣчными оныхъ собственниками, все равно, имѣють-ли они эти имѣнія на основаніи жалованныхъ грамотъ или же владѣють ими просто въ силу давности. Эти постановленія послужили основаніемъ значительной части опредѣленій VII и нѣкоторыхъ другихъ раздѣловъ Третьяго Литовскаго

Обратимся прежде всего къ Старому Статуту 1529 г.

Въ *артикуль 13, разд. VII*, мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: «Если бы было нѣсколько родныхъ братьевъ и сестеръ, и какой-либо изъ братьевъ или же отецъ былъ убитъ, тогда одни только братья, помимо получившихъ приданое сестеръ, имѣютъ отыскивать головщину. А если бы всѣ братья умерли, тогда головщину имѣютъ отыскивать замужня дочери. А если бы и сыновья и дочери вымерли, тогда представляется отыскивать головщину ближнимъ». Мы видѣли ранѣе, что подъ именемъ близкаго или ближняго разумѣется вообще родственникъ. Но кто же здѣсь разумѣется подъ ближнимъ, о какихъ родственникахъ идетъ рѣчь?

Обращаясь ко второму Статуту, мы не встрѣчаемъ отвѣта, такъ какъ *артикуль 25, разд. XI*, представляетъ, за ничтожною отмѣною, дословное

Статута. На основани, напр., 1 артикула, VII раздѣла, «предоставляется каждому по своему усмотрѣнію дать, продать, отказать на случай смерти, заложить, устранивъ дѣтей и родственниковъ, имѣнья свои отцовскія и материнскія, выслуженныя, купленныя и прибрѣтенныя какимъ бы то ни было способомъ и носящія какія угодно наименованія, не стѣснясь третьєю и двумя частями, но всѣ (имѣнія) цѣликомъ, или половину, или какую нибудь часть, въ отдѣльности, людей или землю». Правда, мы видимъ указанія на извѣстныя условія, которыя необходимы, напр. для устранения дѣтей родителями отъ наслѣдства (*Арт. 7 въ разд. VIII*), встрѣчаемъ указанія на ограниченія въ правѣ завѣщанія родовыхъ имуществъ, какъ отцовскихъ, такъ и материнскихъ (*Арт. 2 разд. VIII*), видимъ прямое запрещеніе записывать въ обезпеченіе приданого жены болѣе третьей части недвижимости (*арт 2, разд. V*), но всѣ эти опредѣленія не лишаютъ силы тотъ основной принципъ, въ силу котораго собственникъ совершенно свободно распоряжается всѣмъ своимъ имуществомъ, а все это имущество становится для его наслѣдниковъ родовымъ только въ томъ случаѣ, когда оно переходитъ къ нимъ въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, такъ что имущество, подаренное или проданное отцемъ или матерью своимъ же собственнымъ дѣтямъ, теряетъ характеръ родового (Ср. I Полн. Соб. Зак., Высочайше

повтореніе приведеннаго выше 13 арт., VII разд., Перваго Статута ¹⁾).

Поэтому обратимся къ Третьему Статуту. Здѣсь соотвѣтствующее опредѣленіе находится въ 45 арт., XI раздѣла, озаглавленномъ такъ: ²⁾ «Кто изъ родственниковъ имѣетъ право начать противъ убійцы уголовное преслѣдованіе и быть гражданскимъ истцомъ по этому дѣлу». Распоряженія этого артикула

утвержд. Мн. Госуд. Совѣта отъ 1842 г., № 15,534.—См. К. П. Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданского права, т. I, Спб. 1868 г., стр. 56, гдѣ указывается, что эти начала литовскаго права и доселѣ примѣняются въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ).

¹⁾ Арт. 13, разд. VII, Перваго Литовскаго Статута читается въ подлинникѣ такъ: «Межи братья и сестры рожонныхъ, хто маєт головщины отцовское або братней искати». «Колибы колко братья и сестры рожонныхъ было, а одинъ братъ в нихъ, або отецъ забить былъ: тогда оные братья сами, мимо сестры выposaжонныхъ маються головщины доискивати. А естлибы братья змерли, тогда дочки выposaжонные мають головщины искати. А естлибы сынове и дочки змерли, тогда мають искати ближние».—Во Второмъ Статутѣ въ соотвѣтствующемъ арт. 25, разд. XI, сдѣланы слѣдующія измѣненія, а именно въ заголовкѣ поставлено «Хто близкій головщины искати маєт» и затѣмъ въ первой строкѣ прибавлено послѣ: «сестры рожонныхъ,—«выposaжонныхъ и не выposaжонныхъ».

²⁾ Такъ переводимъ мы опредѣленія этого артикула, изложенныя въ подлинникѣ слѣдующимъ образомъ: «Хто в близкихъ маєт каранья за голову и головщины доходити». Коли бы колко братья было и сестры рожонныхъ выposaжонныхъ и не выposaжонныхъ а отецъ або matka ихъ albo тежъ который в нихъ братъ сестра были отъ кого забиты, тогда братья сами мимо сестры мають о голову и головщину правомъ чинити и головщину себе брати. А то ся такъ маєт розумети. Кгда забитый братъ або сестра детей потомства по себе не зоставять, звлаща сестра будетъ ли забита будучи еще замужъ не выданною або вдовою безпотомною. Ведже хотя и дѣти по брате albo по сестре вдовою забитою зостануть, а будутъ летъ недорослыхъ, тогда въ недорослости летъ такихъ детей предъ се братья або сестры крвные albo тежъ опекуны тыхъ детей недорослыхъ права того поспирати и доводити мають, але кды по томъ дети летъ до-ростуть головщина тая имъ належати маєт, по вытрученью накладу што бы близкие доходечи того права наложили, а где бы крвные albo опекуны того не доходили, тогда сами дети дороши летъ правомъ о голову родичовъ своихъ чинити могутъ, а давность имъ въ томъ ничего шкодити

распространены, сравнительно съ соотвѣтствующими артикулами Перваго и Второго Статутовъ, но самые тексты того и другого вошли цѣликомъ въ составъ разсматриваемаго 45 артик., составляя въ немъ, какъ и въ большинствѣ артикуловъ распространенной редакціи Третьяго Статута, начало и окончаніе соотвѣтствующаго текста, а именно, первыя три строки 25 арт., XI разд., Второго Статута составляютъ первыя три строки 45 арт., XI разд., Третьяго Статута, а остальные двѣ строки составляютъ три предпоследнія строки соотвѣтствующаго артикула Третьяго Статута, а именно: «А если бы сыновья и дочери вымерли, тогда предоставляется то (головицу) отыскивать родственникамъ, прежде всего наиболѣе близкимъ родственникамъ со стороны отца («по мечу»), а если бы не осталось родственникамъ со стороны отца, тогда и родственникамъ со стороны матери (по кудели)». — Что подъ именемъ «близкихъ по мечу» разумѣлись родственники со стороны отца, а подъ именемъ «близкихъ по кудели» — родственники по матери, это видно изъ многихъ мѣстъ Статута, но всего яснѣе изъ артик. 3, разд. VI, гдѣ представителемъ родственниковъ по мечу является «стрый», представителемъ же родственниковъ по кудели, родственниковъ по «прялкѣ», «вуй»¹⁾). Изъ современныхъ же Треть-

не можетъ. А если бы братья змерли, тогда и дочки мають такого права о голову попирати. Паклижъ бы сынове дочки змерли тоды близкие тою доходити мають, напроць наблизиво по мечу, а где бы близкихъ по мечу не стало, тоды и по кудели.

¹⁾ Соотвѣтствующій, т.-е., 3-й артикулъ VI раздѣла «Третьяго Литовскаго Статута» изложенъ слѣдующимъ образомъ: На первой тые опекунами мають быть кого бы отецъ на тестаменти дѣтемъ своимъ описаль, а естлибы не описаль, тогда братъ старшый леть дорослый, маєтъ молодшею братьею и

ему Статуту памятниковъ, напимѣрь: изъ родословнаго древа, напечатаннаго въ 1619 году при второмъ польскомъ изданіи Третьяго Статута ¹⁾), или же изъ такого точно древа, помѣщеннаго при «Институціяхъ польскаго права» ²⁾), изданныхъ въ 1613 г. Дрезнеромъ, а равнымъ образомъ изъ подобнаго же древа, приложеннаго къ «Ручной книгѣ Магдебургскихъ судовъ въ Польшѣ» ³⁾), изданія 1630 г., видно, что «стрыю» соотвѣтствуетъ «patruus», т.-е. братъ отца, а «вую»

сестрами опекается, а не будетъ ли брата дорослого старшаго ⁴⁾ ино стрыеве по мечу такъ же одинъ з нихъ старшій мають опекунами быти. А естлибы стрыевъ рожонныхъ не было ино близкіе также по мечу который з нихъ старшій ку опеце мають быти припущоны, а гдебы опекуновъ по мечу приржонныхъ не было ни кого ино по матце вуете также и иные крвные мають быти опекунами. А не станеть ли и по кудели крвныхъ звлаца мужского рожая, тогда могутъ быти опекунами и бѣлые головы по мечу такъ же старшие тымъ детямъ на близшіе, а естли по мечю и белыхъ головъ близскихъ не станеть, тогда и по кудели кровные белые головы тежъ старшіе...»

¹⁾ Во второмъ польскомъ изданіи Третьяго Литовскаго Статута отъ 1619 вслѣдъ за V раздѣломъ, посвященнымъ разрѣшенію вопросовъ объ отношеніяхъ между супругами по имуществу, находится за 210 листомъ одна нумерованная страница и на ней довольно грубое политипажное изображеніе родословнаго древа, весьма близкое по характеру рисунка и совершенно сходное по содержанію съ подобными же изображеніями въ современныхъ Статуту книгахъ Дрезнера и Гроицкаго; разница лишь въ томъ, что въ Статутѣ названія родственниковъ напечатаны по-польски а у Дрезнера и Гроицкаго—по-латыни.

²⁾ *Thom. Dresner. Institutionum juris regni polonici libri IV ex statutis et constitutionibus collecti. Zamoscii 1613, in 4.* Родословное древо, весьма сходное съ деревомъ Статута, находится въ этомъ сочиненіи на стр. 135.

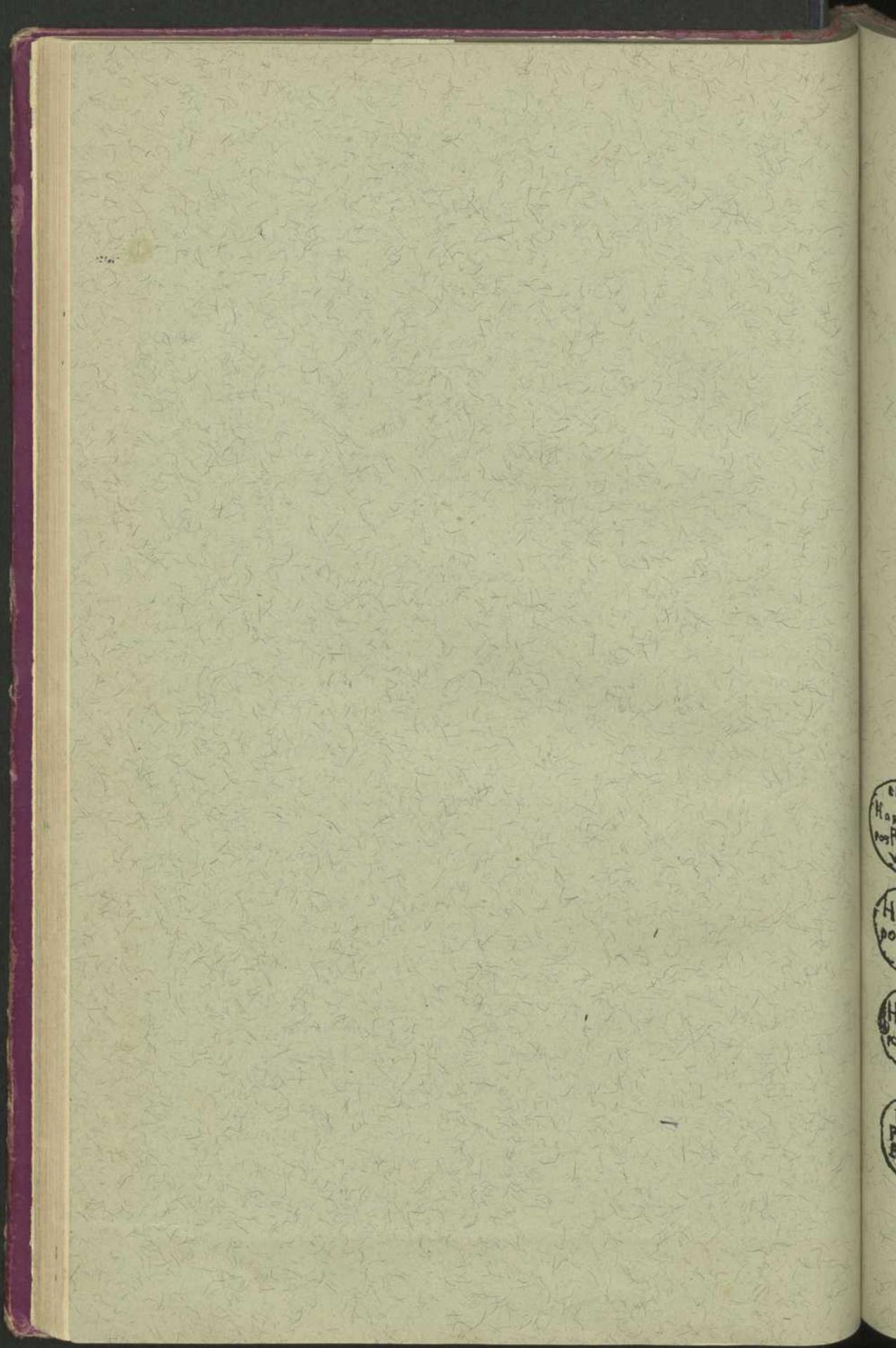
³⁾ Руководство это, составленное Гроицкимъ, носитъ названіе: «Porządek sądow y spraw mieyskich prawa Maydeburskiego w Koronie Polskiej». Мы пользовались изданіемъ 1630 г. Въ болѣе раннемъ изданіи 1545 г., которое намъ пришлось видѣть въ Им. Пуб. Библиотекѣ, въ Петербургѣ, родословное древо отсутствуетъ. Въ изданіи 1630 г. оно находится въ той части книги, которая носитъ названіе: «Tytuły prawa Maydeburskiego do parządku y do artykułów, pierwey po Polsku wydanych», на стр. 28, на которой находится текстъ: «Figura seu tabula indicans graphice, quomodo haereditas ab intestato deferatur et quisnam proximior potiorque ad capiendam haereditatem habetur».

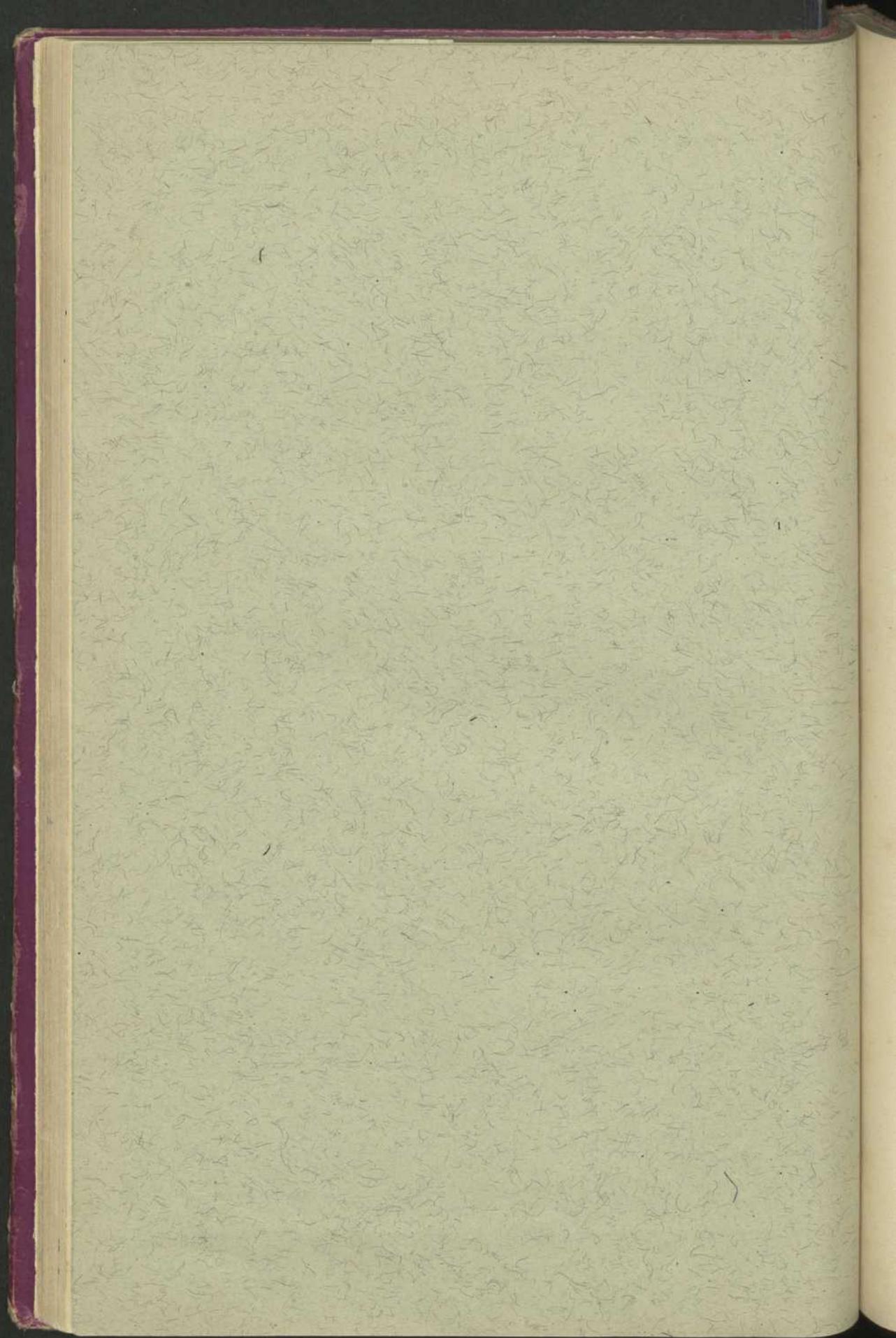
Przprodz
ni z strony
Onci/abc
po mieczu.

Przprodz
ni z strony
Dati albo
po kobjeli.

Alm

въ родословномъ деревѣ Литовскаго статута «стрый», который занимаетъ мѣсто среди родственниковъ «со стороны отца, или по мечу», а «вуй» — среди родственниковъ «со стороны матери или по кудели».

Выясняя значеніе терминовъ *артикула 17, разд. III*, для выраженія понятія родства, мы видѣли, что для обозначенія нисходящихъ употребляются термины «потомки» и «щадки», а для обозначенія боковыхъ родственниковъ обѣихъ линій, далѣе третьей степени, употребляются термины — «кровные» и «близкіе». Такое пониманіе этихъ словъ, вытекающее изъ текста Литовскаго Статута, подтверждается сверхъ того какъ лексическими данными изъ языка польскаго ¹⁾, такъ и показаніями оффиціальныхъ документовъ, одновременныхъ Третьему Литовскому Статуту: такъ, подъ 1590 г., апр. 8, мы встрѣчаемъ запись князя Григорія Львовича Сангушковича Коширскаго, въ которой онъ говоритъ: «Записую кривному и повинному моему, его м. п. Петру Стабровскому, старостѣ трейденскому и скуенскому («швагру своему») имѣнія: дворъ Череею, въ повѣтѣ Оршанскомъ... а имѣнье Токоровичи въ воеводствѣ Минскомъ» ²⁾; Такое широкое понятіе родства подтверждается и тѣмъ понятіемъ рода,

¹⁾ *Linde. Słownik Blizkości...* a) *Blizkosc krwi, blizki stopien pokrewienstwa. Die Nähe der Verwandtschaft... do Krakowa bliskość się mieć Książęta, Szlęscy ozywają. Biel-Kron. Wasili szczygę się przyrodzona do tego blizkości, osiadł hordy Zawolskie. Paszk. Dz.—11. Krew.—Krewny.—2. Od krewności, z jednej krwi, powinowaty, jako brat bratu, Blutsfreund, единокровный, сродничій, родственный.—Krewny. Krewnick, der Blutsfreund, родственникъ, сродничъ, сродникъ, свойственникъ.*

²⁾ *Метрика Литовская (бывшій Государственный архивъ Великаго Княжества Литовскаго, нынѣ въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи), Судныхъ дѣлъ № 68, л. 113.*

которое мимоходомъ дается Литовскимъ Статутомъ по поводу представленія доказательствъ о шляхетскомъ происхожденіи. Въ артик. 19, разд. III Третьяго Статута мы читаемъ: «Тотъ, кто доказываетъ свое шляхетское происхожденіе, долженъ представить двухъ родственниковъ шляхтичей по отцу и по матери, т.-е. двухъ родственниковъ (кровныхъ) со стороны отца и двухъ со стороны матери, которые должны присягнуть на томъ, что онъ имъ родственникъ (природный) и настоящій шляхтичъ. А если бы *родъ* пресѣкся... тогда можетъ представить (въ свидѣтели) бояръ, шляхту сосѣдную»¹⁾... Изъ этого опредѣленія несомнѣнно вытекаетъ, что подъ родомъ Третій Литовскій Статутъ понимаетъ совокупность родственниковъ отца и матери. «Кровные» и «близкіе» Третьяго Литовскаго Статута совершенно соотвѣтствуютъ «когнатамъ» Юстиніанова законодательства²⁾. Выяснивъ значеніе терминовъ, употребляемыхъ для обозначенія родственныхъ отно-

¹⁾ «Тотъ, хто се выводитъ, маеть поставити зъ отца и матки по двухъ шляхтичовъ приржонныхъ, то есть двоухъ съ отца и двоухъ съ матери кровныхъ, и на томъ имъ присегнути, ижъ ихъ есть природный и правдивый шляхтичъ. А пакъ ли бы се родъ звель тогда бояръ шляхту околичную маеть поставити...

²⁾ Instit., Lib. I, tit. XV, § 1... «тѣ, которые соединяются родствомъ черезъ лицъ женскаго пола не суть агнаты, но когнаты. Такимъ образомъ сынъ твоей тетки по отцѣ не есть твой агнатъ, а когнатъ.—Ibid. Lib. III, tit. VI... Когнатство бываетъ восходящее, нисходящее и боковое. Восходящее когнатство составляютъ родители, нисходящее—дѣти, боковое—братья и сестры и ихъ дѣти, и слѣдовательно дяди и тетки по отцѣ и по матери. И восходящее, и нисходящее когнатство начинаются съ первой, а боковое со второй степени... Въ третьей степени между восходящими находятся прадедъ, прабабка, между нисходящими—правнукъ, правнучка, между боковыми—сынъ и дочь брата и сестры, а слѣдовательно: patruus, amita, avunculus, matertra. «Patruus» есть братъ отца, «avunculus» есть братъ матери, «amita» есть сестра отца, а «matertra», сестра матери.

шеній, обратимся вновь къ тексту 17 артик. III раздѣла съ вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ имущество становится выморочнымъ?

Для разрѣшенія этого вопроса, рассмотримъ прежде всего составъ 17 артикула. Въ русскомъ изданіи 1588 г. текстъ не разорванъ произвольно на параграфы, какъ то дѣлается со второго польскаго изданія, а представляетъ по внѣшности одно сплошное цѣлое; по содержанію же текстъ этотъ распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ первой, идущей до словъ на 10-й строкѣ 84-й страницы ¹⁾ «кроме тыхъ», опредѣляетъ порядокъ преемства въ наслѣдованіи по закону; вторая же часть, идущая отъ словъ «кроме тыхъ» до конца, опредѣляетъ условія, при которыхъ наступаетъ выморочность имущества.

Такое внутреннее раздѣленіе 17 артикула по содержанію распоряженій подтверждается и его заголовкомъ, приведеннымъ выше. Какъ изъ текста второй части, такъ и изъ заголовка 17 артикула вытекаетъ, что имущество становится выморочнымъ только тогда, когда наслѣдодатель не оставилъ по себѣ никакого родственника и не распорядился самъ при жизни судьбою наслѣдства ²⁾. Обратимся теперь къ первой части артикула. Мы не будемъ оста-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду страницы Мамоничевскаго изданія, обозначенныя въ изд. Московскаго Общества Ист. и Др., на поляхъ.

²⁾ Хотя въ заголовкѣ стоитъ «и о спадку на насъ, господара, по безпотомныхъ», т.-е. что имущество становится выморочнымъ послѣ лица неимѣющаго нисходящаго потомства, но что слова «безпотомныхъ» нельзя понимать въ этомъ смыслѣ, видно изъ текста, гдѣ говорится, что имущество становится выморочнымъ только тогда, когда кто умеръ, «безъ потомковъ, близкихъ, щадковъ и наслѣдковъ своихъ». Что слово близкіе здѣсь выражаетъ именно боковыхъ родственниковъ это видно изъ предыдущаго опредѣленія въ этомъ же артикулѣ о порядкѣ за-

навливаться на вопросъ о наслѣдованіи братьевъ и сестеръ. Порядокъ наслѣдованія опредѣленъ съ совершенною ясностію. Въ отцовскомъ имуществѣ наслѣдуютъ только братья, въ материнскомъ и братья, и сестры, и при томъ въ равныхъ доляхъ. За отсутствіемъ братьевъ, сестры призываются къ наслѣдованію и въ отцовскомъ имуществѣ, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ родственниковъ.—Но вотъ, нисходящее потомство пресѣкается, спрашивается, кто будетъ наслѣдникомъ оставшагося имущества? Естественными ближайшими наслѣдниками были бы восходящіе, т.-е. отецъ и мать, но Статутъ предполагаетъ, что ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, что вопросъ идетъ именно о наслѣдованіи въ имуществахъ, оставшихся послѣ смерти отца и матери, въ «отчизнахъ и материзнахъ». Ближайшими родственниками будутъ братья отца и братья матери. По общему принципу раздѣльности имущества мужа и жены и согласно специальному распоряженію 19 арт., разд. V, имущество жены возвращается «въ тотъ же домъ, изъ котораго (она) вышла», и поступаетъ въ собственность братьевъ, имущество же мужа переходитъ по наслѣдству къ его братьямъ. Если въ той или другой линіи наиболѣе близкими къ наслѣдодателямъ окажутся женщины,—въ данномъ случаѣ сестры,—то онѣ устраняютъ отъ наслѣдованія болѣе

коннаго наслѣдованія: Въ случаѣ отсутствія сыновей и дочерей, имущество не становится выморочнымъ, а призываются къ наслѣдованію боковые. А такъ какъ наслѣдованіе отца и матери послѣ бездѣтныхъ сыновей или дочерей опредѣлено Статутомъ въ другомъ мѣстѣ, то въ этомъ артикулѣ Статутъ не предполагаетъ наслѣдованія восходящихъ, а говоритъ только о наслѣдованіи въ «отчизнѣ и материзнѣ», то есть о наслѣдованіи такого рода, которое открывается только со смерти отца или матери.

далекихъ по родству мужчинъ ¹⁾). Следовательно, по общему принципу, имущество, оставшееся послѣ безпотомнаго лица, дѣлится между наличными представителями отцовской и материнской линіи, сообразно происхожденію имущества, и затѣмъ въ каждой линіи призываются всѣ наличные родственники ближайшей по родству степени къ наследодателю, съ предпочтеніемъ въ одной и той же степени, мужчинъ передъ женщинами ²⁾). Доселѣ все совершенно опредѣленно, но вотъ гдѣ начинаются затрудненія: Предположимъ, что въ одной изъ линій не имѣется болѣе лицъ, состоящихъ въ родствѣ съ наследодателемъ этой линіи, т. е. въ линіи отца не останется болѣе лицъ, связанныхъ съ нимъ происхожденіемъ отъ одного предка. Какова будетъ судьба этого имущества, выдѣленнаго изъ общаго состава наследства и поступившаго къ имѣвшимся въ моментъ открытія наследства представителямъ этой линіи. Есть ли это имущество безхозяйное или нѣтъ?

Опираясь на вторую часть 17 арт. III разд., мы должны отвѣчать отрицательно: Имущество тогда только становится выморочнымъ, когда наследодатель умираетъ «безъ потомковъ, близкихъ, шадковъ и наследковъ своихъ». Мы уже видѣли ранѣе,

¹⁾ Для приданаго дочерей назначалась $\frac{1}{4}$ часть отцовскаго имущества (ар. 19, р. V), это приданное, обезпеченное ипотекою на имѣніяхъ мужа, составляло собственность жены, которою она могла распоряжаться по своему усмотрѣнію (ар. 17, р. V). Приданое составляетъ необходимое, предположеніе, т. е. если нѣтъ письменнаго документа о принесеніи женою приданаго, то оно все-таки предполагается цѣною въ 30 к. гр. (ар. 1, р. V). Подарки мужа женѣ составляютъ ея собственность (ар. 21, раз. V).

²⁾ Арт. 19, разд. V. «А где бы братья и ихъ потомковъ не было тогда тотъ спадокъ внесеня сестры безплодное змерлое, на сестры иныя хотя и выправены и на ихъ дети потомки прійдетъ».

что «близкими» называются какъ родственники отца, такъ и родственники матери, слѣдовательно, въ случаѣ пресѣченія одной изъ боковыхъ линій, имущество переходитъ къ родственникамъ наслѣдодателя въ другой линіи.

Что такого рода переходъ имущества изъ одной линіи въ другую не противорѣчитъ принципамъ литовскаго права это видно изъ арт. 21, разд. V. «Еслибы»,—говорится въ этомъ артикулѣ,—«случилось, что какой-либо бѣдный человѣкъ, какого бы то ни было состоянія, не имѣя никакого имущества, вступилъ бы въ бракъ съ женщиною, за которою также не получилъ бы никакого приданого; а затѣмъ совокупнымъ трудомъ, при помощи Божіей, они приобрѣли имущество или же получили оное въ вознагражденіе за службу по какому-либо акту или же по завѣщанію, тогда, по смерти мужа, женѣ выдѣляется изъ этого имущества третья часть, а $\frac{2}{3}$ предоставляются дѣтямъ, а если дѣтей не будетъ, то все имущество поступаетъ въ собственность жены. Если же она умретъ бездѣтною, не оставивъ письменнаго распоряженія, тогда половина всего имущества поступаетъ къ родственникамъ ея покойнаго мужа, а другая половина—къ родственникамъ. Если же умретъ жена ранѣе мужа, то имущество ея переходитъ къ мужу и дѣтямъ, а затѣмъ къ родственникамъ, согласно распоряженіямъ этого артикула». Артикулъ этотъ заимствованъ съ незначительными измѣненіями изъ Магдебургскаго права ¹⁾,

¹⁾ Jasker, в. н. соч. *Juris municipalis Maydeburgensis liber., articulus XXII, f. XXIII (vr.)*. Si vir uxorem superduxerit cum qua nullam dotem accepit et ex utroque nihil bonorum habuerunt, verum laborem adauxerunt mutuo,

изъ котораго это начало было заимствовано и Саксонскимъ Зерцаломъ ¹⁾). Въ Магдебургскомъ же и Саксонскомъ Зерцалѣ признавались, какъ извѣстно, основные принципы наслѣдованія, сложившіеся подъ вліяніемъ Юстиніанова законодательства.

Далѣе: артикулъ 17, разд. III, говоритъ, что наслѣдуютъ и распоряжаются имуществомъ «звычайемъ стародавнимъ и межъ статутомъ первымъ и теперешнимъ».

Слѣдовательно, въ случаѣ возникновенія сомнѣнія въ томъ, какъ нужно понимать опредѣленія 17 артикула, Третій Статутъ предписываетъ обращаться къ обычаю и опредѣленіямъ предшествующихъ Статутовъ.

Обратимся прежде всего къ Статуту 1566 г.:

Въ арт. 14, разд. III, соотвѣтствующемъ 17 арт., разд. III, Статута 1588 г. мы встрѣчаемся съ слѣдующими распоряженіями относительно наслѣдованія вообще и въ выморочныхъ имуществахъ въ частности:

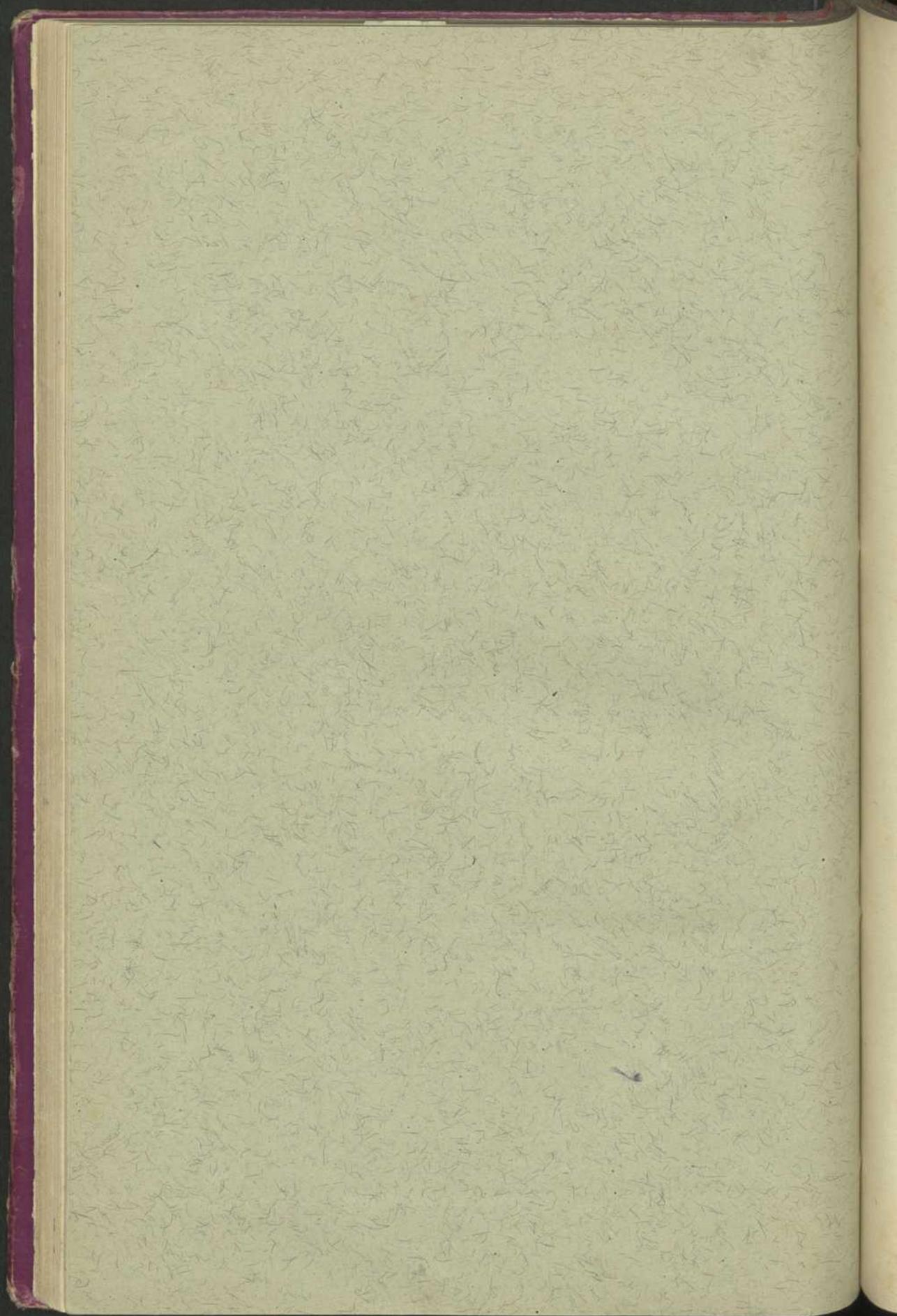
«По смерти отцовъ и матерей и иныхъ родственниковъ со стороны отца и матери («кровныхъ и близкихъ»), ихъ дѣти и потомки и родственники не будутъ устраняемы отъ наслѣдованія въ вотчинахъ, въ выслуженныхъ имѣніяхъ и во всякомъ благопріобрѣтенномъ имуществѣ». «Также постановляемъ, что, по смерти отцовъ и матерей, ихъ дѣти, сыновья и дочери, не будутъ устраняемы отъ наслѣдованія въ имѣніяхъ отцовскихъ и материнскихъ, но они

nullaque reformatione facta moriatur, extunc uxor obtinet tertiam partem bonorum mariti.

¹⁾ Тамъ же, Speculum Saxonum, lib. I, art. XXI и XXIV.

сами и ихъ собственное потомство, родственники со стороны отца и родственники со стороны матери («кровные и близкіе»), представляютъ претензіи и получаютъ оныя имущества, соотвѣтственно праву родства, приобрѣтенному надлежащимъ путемъ, согласно стародавнему обычаю, а также (распоряженіемъ) прежняго Статута и нынѣшняго, и обращаютъ оныя имущества въ свою пользу — навѣки. То же самое будетъ разумѣемо относительно наслѣдованія въ прямой и боковыхъ линіяхъ, въ имѣніяхъ выслуженныхъ и во всемъ, приобрѣтенномъ, согласно опредѣленіямъ права, кромѣ наслѣдованія послѣ тѣхъ лицъ, которыя умрутъ безъ потомства, родныхъ со стороны отца и со стороны матери, самыхъ отдаленныхъ нисходящихъ и наслѣдниковъ своихъ, никому не передавъ и не утвердивъ актами своихъ наслѣдственныхъ, приобрѣтенныхъ службою и иными способами правъ, такъ какъ послѣ этихъ лицъ и при этихъ условіяхъ имѣнія поступаютъ и будутъ поступать наслѣдственнымъ порядкомъ къ Рѣчи Посполитой и къ намъ, Государю, Великому Князю, и потомкамъ нашимъ, Великимъ Князьямъ Литовскимъ» ¹⁾).

¹⁾ Артик. 14, разд. III, Литовскій Статутъ 1566 г. «По смерти отцовъ и матокъ и иныхъ кровныхъ и близкихъ ихъ детей и потомковъ и близкихъ отъ каждого дедичства спадку и выслуи и всякого набытѣя не отдаляти». Тежъ уставуемъ ижъ по смерти отцовъ и матокъ дети сынове и дочки отъ отъчизны и материзны не мають быти отдалены але они сами ихъ шадки властные кровные и близкие правомъ прирожонныхъ и слушне набитымъ звчасемъ стародавнымъ и тежъ статутомъ первымъ и теперешнимъ мають посягнути и одержати и тые добра на пожитокъ свой оборачати вечными часы. То ся тежъ будетъ розумети о близкостяхъ спадкохъ выслугохъ и всякомъ набытѣю водлугъ права, кроме тыхъ, которые безъ потомковъ близкихъ шадковъ и наслѣдковъ своихъ зомрутъ ни на

Въ подкрѣпленіе правильности сдѣланнаго нами перевода мы позволяемъ себѣ привести латинскій переводъ этого же самаго артикула по рукописи конца XVI или начала XVII вѣка, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ ¹⁾. «*Distinctio tertia, articulus XIII*». «*Heredes ascendentes, descendentes et collaterales ad successionem defunctorum vocentur*». «*Statuimus, mortuis parentibus, liberos utriusque sexus ab eorum haereditatibus non esse alienandos, sed eos tanquam legitimos haeredes ac eorum proles et descendentes, collaterales que ad successionem jure naturali esse vocandos secundum veterem consuetudinem et Statutum vetus et hoc novum. Quod quidem de omnium bonorum successione intelligi debet: paternorum, maternorum, profectitorum, adventitorum, emptorum, immeritorum, castrensiū. Exceptis iis qui, nullis liberis, agnatis, cognatis relictis, decedunt nec bona sua donatione inter vivos vel caussa mortis alienant, horum enim bona jure fisci nos successoresque nostros fisco vindicabimus*».

кого права своего прырожного и набитого не влишы, а ни записавшы бо по тыхъ и такимъ обычаемъ имѣнья спадкомъ на насъ Господара Великого князя и потомковъ нашихъ великихъ князей литовскихъ приходить и приходи́ти будутъ». Рукопись XVI вѣка въ Имп. Публ. Библ. f. II русск. № 34.

¹⁾ Рукопись эта in folio, заключающая въ себѣ 208 листовъ, отлично сохранившаяся, представляетъ образчикъ калиграфическаго искусства и отличается рѣдкою внѣшностію: До сихъ поръ обрѣзь ея сохраняетъ яркіе слѣды позолоты, а переплетъ состоитъ изъ тяжелой шелковой матеріи малиноваго цвѣта. Экземпляръ этотъ, описанный у Линде и Даниловича, и доселѣ носить на заглавномъ листѣ фамилію Юсифъ Сѣраковскій. Заглавіе рукописи слѣдующее: «*Statuta Magni Ducatus Litwaniae in Bielscensibus comitiis promulgata in Vilnesibus anno salutis humanae MDLXXVI approbata. E Rutheno sermone in latinum conversa 1576.*—Библіотечный №, лат. fol. 174.—Основаніемъ для опредѣленія времени происхожденія рукописи служили намъ: почеркъ, весьма характерный, и водяные знаки.

Надѣмся, что проводимое нами воззрѣніе на значеніе терминовъ «щадки, кровные и близкіе», а также и на принципы литовскаго права наслѣдованія находитъ себѣ достаточное подтвержденіе въ этомъ переводѣ русскаго текста на латинскій языкъ рукою одного изъ современниковъ Литовскаго Статута 1588 г. Въ особенности важное, рѣшающее значеніе, на нашъ взглядъ, имѣетъ то мѣсто, гдѣ замѣнъ довольно темной фразы Статута 1566 г.: «Кроме тыхъ, которые безъ потомковъ близкихъ щадковъ и наследковъ своихъ зомрутъ», мы имѣемъ совершенно ясныя латинскія выраженія: «Eceptis iis qui, nullis liberis, agnatis, cognatis relictis, decedunt».

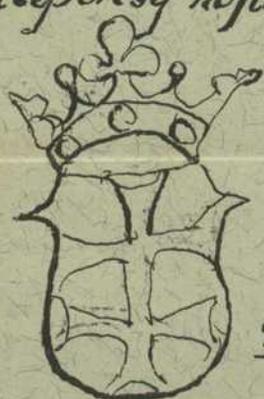
Сличеніе только что приведеннаго выше текста 14 ар., разд. III, Литовскаго Статута 1566 г. на русскомъ языкѣ по рукописи XVI в., хранящейся въ Имп. Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ, съ текстомъ 17 арт., разд. III, Литовскаго Статута 1588 г., съ перваго же взгляда убѣждаетъ насъ, что за исключеніемъ: 1) прибавленія въ заголовкѣ арт. 17, разд. III, фразы «и о спадку на насъ господара по безпотомныхъ», и 2) вставки отъ словъ: «то тымъ обычаемъ» до словъ «кроме тыхъ которые», артикулъ 14, разд. III, Статута 1566 г. и арт. 17, разд. III, Статута 1588 г. дословно сходны между собою. Неясность 17 артикула происходитъ отъ опредѣленій, заключающихся въ только что упомянутой вставкѣ и внесенныхъ редакторами Статута 1588 г., конечно, съ цѣлью не затемнить, а напротивъ, уяснить принципы литовскаго наслѣдственнаго права. Къ сожалѣнію, имъ совершенно не

ARTICVLVS XIII

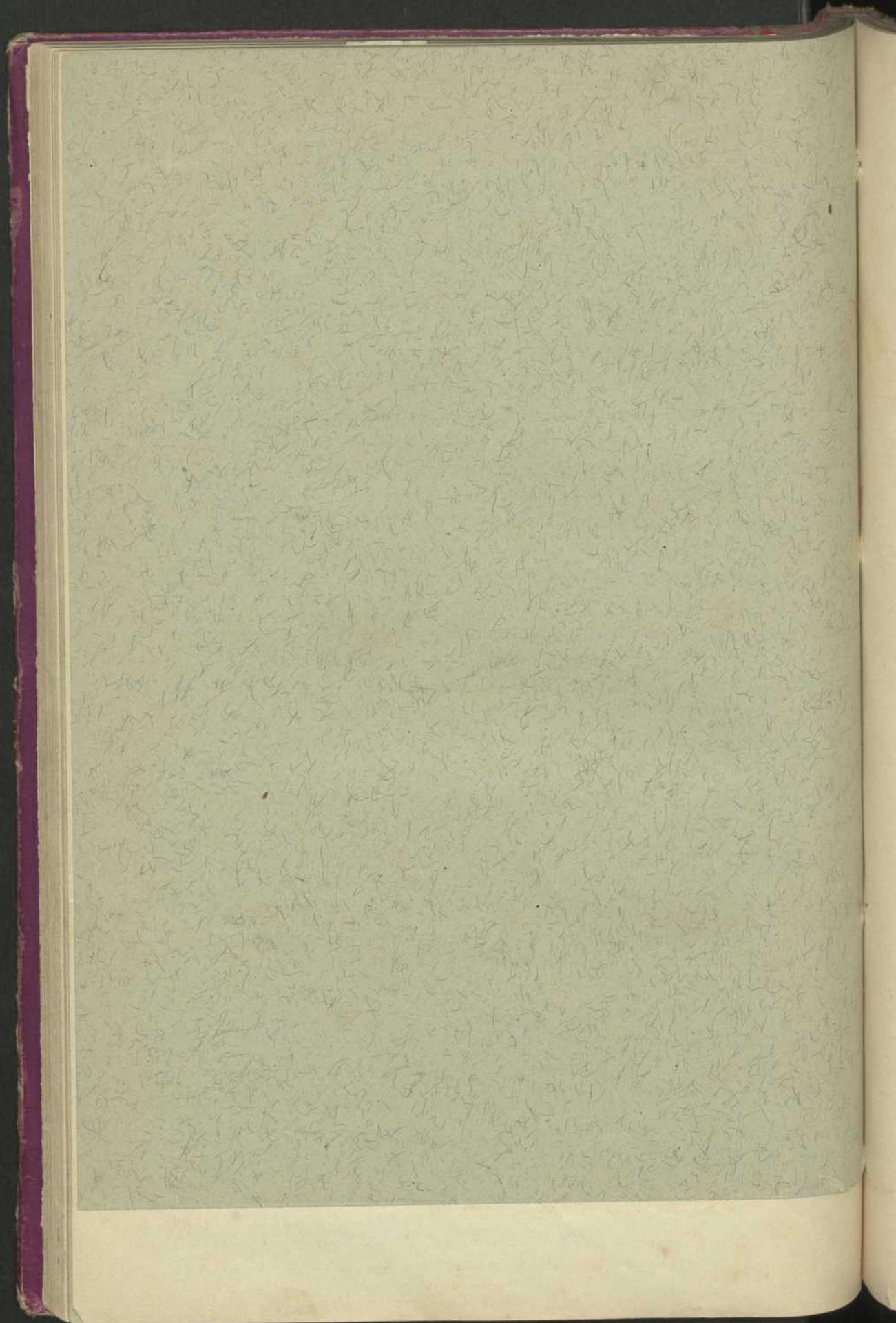
Heredes ascendentes, descendentes et collaterales ad successionem defunctorum vocentur.

Statuimus, mortuis parentibus liberos utriusq; sexus ab eorum hereditatibus non esse alienandos; sed eos, tanquam legitimos heredes ac eorum proles et descendentes, collateralesq; ad successionem iure naturali, esse vocandos secundum veterem consuetudinem et Statutum vetus et hoc nouum. Quod quidem de omnium bonorum successione intelligi debet paternorum, maternorum, profectitorum, aduetitorum, emptorum, emporum, castrensiū. Exceptis his, qui nullis liberis, agnatis, cognatis relictis decedunt, nec bona sua donatione inter vivos, vel causa mortis alienant, horum animo bona, iure fisci, nos successoresq; nostros fisco vindicabimus.

Handwritten signature or mark.

Ръководство Служащихъ непевади
Помощи Служащихъ Служащихъ, 1730.

удалось достигнуть этой благой цѣли. Но, къ счастью, то, что ими затемнено въ одномъ мѣстѣ, то разъяснено въ другомъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Но прежде мы позволимъ себѣ небольшое отступление. Въмѣстѣ съ остальнымъ правовымъ наслѣдіемъ, Великое Княжество Литовское получило отъ удѣльно-вѣчевой Руси широкую систему виръ или композицій, приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ эта система извѣстна намъ въ позднѣйшихъ спискахъ Русской Правды, съ тою лишь особенностію, что уже въ Старомъ Литовскомъ Статутѣ на первомъ планѣ, при опредѣленіи денежнаго взысканія, выдвигаются интересы потерпѣвшаго или же его наслѣдниковъ, размѣры же пени, идущей великому князю, соотносятся съ вознагражденіемъ частному лицу: они обыкновенно называются «противень» «противъ вины», какъ взыскиваемые по тому денежному масштабу, которымъ покрывается вредъ, причиненный частному лицу.

Третій Статутъ, хотя и удерживаетъ денежные наказанія, но они отодвигаются на второй планъ широко развитою системою наказаній чисто публичнаго характера: смертною казнію разныхъ родовъ, наказаніями болѣзненными, тюремнымъ заключеніемъ и пр. Въмѣстѣ съ тѣмъ, оставшіяся въ лѣстницѣ наказаній денежные пени совершенно теряютъ свой публичный характеръ. Государственная власть уже болѣе ничего не получаетъ изъ нихъ въ свою пользу, всѣ они цѣликомъ идутъ въ пользу потерпѣвшаго: такъ, напр., возьмемъ 2 арт., XII разд. «Еслибы человекъ простого состоянія убилъ также простого человека, не шляхтича, тогда на основа-

ни доказательствъ, представленныхъ обвинителемъ, и на основаніи подтвердительной присяги самъ третьей со стороны истца, обвиненный (преступникъ) подвергается смертной казни, а частное вознагражденіе (головщина) уплачивается изъ движимаго имущества виновнаго тому лицу, которому оно будетъ принадлежать на основаніи права». Такимъ образомъ полученіе извѣстнаго денежнаго вознагражденія за побои, увѣчья и т. под. составляетъ право потерпѣвшаго, не исключющее наложенія на виновнаго самостоятельныхъ наказаній: такъ, напр., за отрубленіе руки, ноги, выбитіе глаза и т. п. назначается возмездіе виновному на началахъ тальона, а потерпѣвшему денежное вознагражденіе въ 50 копъ грошей¹⁾; за убійство шляхтича виновный шляхтичъ несетъ самостоятельное наказаніе, соотвѣтственно условіямъ причиненія убійства, а родственникамъ убитаго уплачиваетъ 100 копъ грошей. Посему, на полученіе этихъ платежей, «навязокъ или головщинъ», литовское право смотритъ, какъ на извѣстнаго рода имущественное право, принадлежащее потерпѣвшему и переходящее къ его родственникамъ по наслѣдству: такъ, въ арт. 26, разд. XI, говорится, что въ томъ случаѣ, «когда послѣ убитаго проѣзжаго человѣка явятся его родственники и представятъ оффиціальное удостовѣреніе въ своемъ родствѣ съ нимъ, въ такомъ случаѣ головщина, взысканная съ преступника, вручается этимъ родственникамъ убитаго». Полное тождество

¹⁾ Лит. Статутъ 1588 г. ар. 27, разд. XI.

этого права съ наслѣдственнымъ видно также и изъ дальнѣйшихъ распоряженій только-что приведеннаго артикула: Въ теченіе трехъ лѣтъ производится вызовъ родственниковъ для полученія этой головщины, и когда они въ теченіе этого срока не явятся, то головщина, какъ имущество «безплеменнаго» человѣка, признается выморочною и поступаетъ частію представителю государственной власти, частію же на богоугодныя заведенія.

Обращаясь къ артикулу 45, разд. XI, мы встрѣчаемъ опредѣленія о переходѣ этого наслѣдственного права, совершенно сходныя съ извѣстными уже намъ опредѣленіями 17 арт., разд. III.—Артикулъ 45, разд. XI, въ переводѣ на современный языкъ, читается такъ: «*Кто изъ родныхъ имѣетъ (право) искать наказанія убійцы и денежнаго вознагражденія*». Еслибы было нѣсколько родныхъ братьевъ и сестеръ, выданныхъ замужъ и еще не выданныхъ, и отецъ ихъ или мать или кто нибудь изъ братьевъ (или же), сестра были кѣмъ либо убиты, тогда только одни братья, помимо сестеръ, имѣютъ право искать наказанія убійцы, взысканія съ него и полученія въ свою пользу головщины. Въ томъ же случаѣ, когда убитый братъ или сестра не оставятъ по себѣ потомства, а въ особенности, если сестра будетъ убита еще дѣвушкою или же бездѣтною вдовою, или по убитомъ братѣ или же сестрѣ-вдовѣ останутся несовершеннолѣтнія дѣти, то, въ виду ихъ несовершеннолѣтія, братья или сестры, родственники или же опекуны обязаны заботиться объ отысканіи и укрѣпленіи *этого права, принадлежащаго дѣтямъ*. Когда же дѣти выростутъ, то

взысканная головщина переходитъ въ ихъ собствен-
ность, за исключеніемъ тѣхъ издержекъ, которыя
сдѣлали опекуны или же родственники, отыскивая
это право. Въ томъ же случаѣ, когда родствен-
ники или опекуны не искали, то дѣти, достигши
совершеннолѣтія, могутъ сами начать, согласно
предписаніямъ права, дѣло объ убіеніи своихъ ро-
дителей, и давность не можетъ въ этомъ случаѣ
быть для нихъ препятствіемъ. А еслибы братья
умерли, тогда и дочери могутъ отыскивать
принадлежащее имъ право (на наказаніе убійцы
и полученіе головщины). А еслибы сыновья
и дочери вымерли, тогда право это полу-
чаютъ родственники, прежде всего *родствен-
ники со стороны отца, а если родственники со сто-
роны отца пресъкнутся, тогда (это право получаютъ)
и родственники со стороны матери*».

Арт. 17, разд. III. Статута 1588 г. гласитъ,
что наслѣдованіе по закону опредѣляется различ-
ными нормами: распоряженіями прежняго статута
и нынѣшняго, и земскимъ обычаемъ. Мы воспользо-
вались, по возможности, всѣмъ тѣмъ, что могли намъ
дать всѣ три статута. Перейдемъ теперь къ даннымъ
обычнаго права. Само собой понятно, что при от-
сутствіи какихъ бы то ни было сборниковъ обыч-
наго литовскаго права, единственнымъ способомъ
познакомиться съ юридическими воззрѣніями, ото-
шедшаго въ вѣчность, литовскаго общества конца
XVI в. даютъ судебныя рѣшенія, въ которыхъ судьи
и тяжущіеся выражали свои воззрѣнія на тотъ или
иной вопросъ права: или выясняя смыслъ того или
иного опредѣленія статута, или же ссылаясь, въ

дополненіе къ его распоряженіямъ, на существующій обычай, такъ какъ статутъ, воспрещая судѣ постановлять произвольныя рѣшенія («зъ головы») позволялъ однако ему въ томъ случаѣ, «еслибы чего въ статутѣ не доставало... разсматривать и рѣшать дѣла возможно справедливѣе, согласно указаніямъ своей совѣсти и принимая во вниманіе иныя христіанскія законодательства»¹⁾.

Обращаясь къ актовымъ книгамъ Метрики Литовской, мы встрѣчаемъ, какъ разъ въ первый годъ вступленія въ силу Третьяго Статута, слѣдующій образчикъ пониманія смысла опредѣленій 17 артикула, III разд., о наслѣдованіи: Въ 1589 г., государственный прокуроръ (инстигаторъ) великаго княжества Литовскаго, предъявилъ отъ имени казны искъ къ имуществу татарина Трокскаго Абрагима Юхновича, которое, по его мнѣнію, должно было перейти въ собственность казны, какъ выморочное, потому что А. Юхновичъ не оставилъ послѣ себя ни наслѣдниковъ, ни завѣщанія. Опекуны малолѣтнихъ дѣтей умершаго, опровергая искъ инстигатора въ виду того, что умершій оставилъ послѣ себя дѣтей, говорятъ: «А если бы даже и не было у покойника нисходящаго потомства, то и въ этомъ случаѣ его имущество переходитъ и поступаетъ, на основаніи родственнаго права, по началу законнаго наслѣдованія («спадкомъ») къ его родному брату и инымъ родственникамъ («кровнымъ»), которыхъ имѣется не мало со стороны отца («по мечу») и со стороны матери («по кудели»). И подтверждая свое утвержденіе законами («правне»),

¹⁾ Разд. IV, ар. 54.

привели 17 артикулъ III разд., гдѣ говорится: Что по смерти отцовъ и матерей, дѣти, сыновья и дочери, не будутъ отстраняемы отъ отцовскихъ и материнскихъ имѣній, но они сами и ихъ собственное отдаленнѣйшее потомство, родственники по отцу и по матери («кровные и близкіе») получаютъ оное соотвѣтственно праву родства ¹⁾.

Противъ этого объясненія 17 арт., III. разд., о призваніи къ наслѣдованію по закону въ отцовскомъ имуществѣ не только родственниковъ отца, но и родственниковъ матери, инстigatorъ не привелъ никакихъ возраженій, обратившись къ совершенно рискованнымъ утвержденіямъ о юридической ничтожности въ Литвѣ брака татаръ, совершеннаго по обрядамъ магометанской религіи, о не шляхетскомъ происхожденіи наслѣдодателя и т. п.

Мы могли бы уже закончить на этомъ нашъ очеркъ, но, желая воспользоваться всѣми средствами, указанными въ Статутѣ для выясненія истиннаго смысла его опредѣленій, обратимся за справкою къ тѣмъ христіанскимъ законодательствамъ, къ которымъ долженъ былъ обращаться и судья, въ случаѣ неясности или неполноты закона. На первомъ планѣ, конечно, для судьи должно было стоять Польское

¹⁾ Метрика Литовская, Судныхъ дѣлъ № 68, за 1589—91 г., документъ отъ 15 іюля 1589 г., въ Вильнѣ. «А ведже хотя бы потомства небожчиковскаго не было, тогда бы предся тая маетность на брата его роженного и на иншыя кривные, которыхъ есть не мало по мечу и по куделя правомъ близкимъ пришла и спала. И, показуючи правне, подали артикулъ семнадцатый въ розделу третего, гдѣ пишеть: Ижъ по смерти отцовъ и матокъ, дѣти, сынове, дочки, отъ отчизны и материзны отдалены быти не мають, але они сами и ихъ щадки властныя, кривные и близкіе правомъ прироженнымъ посегнути мають».

законодательство, потому что оно, какъ мы уже видѣли, съ давнихъ поръ посредственно и непосредственно оказывало извѣстное вліяніе на развитіе нормъ литовскаго права. Мы видѣли уже, что его начала были рекомендованы особому вниманію редакторовъ Третьяго Статута сеймовою конституціею 1569 г.—При взглядѣ на внушительные фоліанты *Volumina legum*, кажется, что ничего не можетъ быть легче, какъ, опираясь на нихъ, выяснить постепенное развитіе нормъ польскаго права, что нѣтъ надобности въ особенномъ трудѣ для изложенія, напимѣръ, движенія законодательства по наслѣдственному праву. Но ближайшее знакомство съ этимъ источникомъ приводитъ къ полному разочарованію. На пространствѣ двухсотъ слишкомъ лѣтъ, отъ Вислицкаго Статута Казимира Великаго до конституціи 1588 г., встрѣчается какой-нибудь десятокъ положеній о наслѣдованіи, положеній къ тому же бѣдныхъ по содержанію и противурѣчивыхъ по цѣлямъ. Не имѣя возможности, поэтому, представить внутреннюю борьбу старославянскаго принципа неограниченнаго наслѣдованія съ ограниченіями его со стороны власти въ виду высшихъ государственныхъ цѣлей, мы можемъ лишь констатировать въ конституціи 1588 г. побѣду того начала, которое уже въ XIV вѣкѣ нашло себѣ мѣсто въ законодательствѣ Казимира Великаго: «Въ силу несправедливаго обычая», — говоритъ онъ, — «послѣ смерти крестьянъ и иныхъ людей простого званія, не оставившихъ нисходящаго потомства, все ихъ имущество движимое и недвижимое, подъ названіемъ «пусцизны», присваиваютъ себѣ ихъ господа. Почитая

такой обычай за несправедливый и неразумный, опредѣляемъ, чтобы изъ имущества такихъ покойниковъ выдѣляемъ былъ бы въ даръ приходской церкви кубокъ цѣною въ 1½ марки, буде таковой окажется между оставшимися вещами, все же остальное поступаетъ безпрепятственно къ родственникамъ отца (*consanguineos*) или же родственникамъ по матери (*affines*), какъ того требуетъ правда и справедливость» ¹⁾. Двухвѣковое колебаніе законодательства возвратило его вновь къ указанному королемъ Казиміромъ справедливому и разумному принципу: Конституція 1588 г. устанавливаетъ наследованіе по закону въ обѣихъ боковыхъ линияхъ, ограничивая только его восьмою степенью.

Принимая во вниманіе, что третья редакція Литовскаго Статута произошла въ тотъ же промежутокъ времени, въ который одержалъ и въ Польшѣ побѣду принципъ наследованія въ обѣихъ линияхъ, что Литовскій Статутъ былъ разсматриваемъ и утвержденъ на томъ же самомъ сеймѣ, на которомъ издана была для Польши конституція 1588 г., мы, конечно, въ правѣ утверждать, что въ томъ случаѣ, когда какой-либо изъ литовскихъ судей, находя неяснымъ распоряженія 17 ар., III разд., обратился бы къ польскому законодательству, то онъ долженъ былъ бы истолковать распоряженіе 17 артикула въ смыслѣ неограниченнаго права наследованія въ обѣихъ линияхъ, такъ какъ этотъ принципъ съ безусловною опредѣленностью выраженъ въ конституціи 1588 г., а во всемъ Литовскомъ Статутѣ нѣтъ ни

¹⁾ Vol. leg., t. I, f. 24; 1347 г.

малѣйшаго намека на ограниченіе наслѣдованія какою бы то ни было степенью.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ случаѣ, когда судья прибѣгнулъ бы для истолкованія 17 артикула къ другимъ источникамъ иностраннаго права, имѣвшимъ вліяніе на Литовскій Статутъ. Источниками этими были, какъ мы видѣли, права: каноническое, магдебургское и саксонское.

Но всѣ источники, отличаясь другъ отъ друга въ подробностяхъ, полагаютъ въ основаніи своихъ опредѣленій о наслѣдованіи знаменитую Новеллу 118, признающую наслѣдованіе боковыхъ въ обѣихъ линіяхъ.

[Handwritten signature or initials in blue ink]